

на правах рукописи

Нехаев Андрей Викторович

**Мнение как познавательная форма:
логи́ко-семиотический анализ**

Специальность 09.00.01 – «Онтология и теория познания»

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора философских наук

Тюмень 2009

**Работа выполнена на кафедре философии ГОУ ВПО «Тюменский
Государственный Университет»**

Научный консультант:	доктор философских наук, профессор Халин Сергей Михайлович
Официальные оппоненты:	доктор философских наук, профессор Купарашвили Мзия Джемаловна доктор философских наук, профессор Светлов Виктор Александрович доктор философских наук, профессор Селиванов Федор Андреевич
Ведущая организация:	Российский государственный педагогический университет им. А.И.Герцена

Защита состоится «11» декабря 2009 года в ___ часов на заседании диссертационного совета Д 212.274.02 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора философских наук в Тюменском Государственном Университете (625003, г. Тюмень, ул. Перекопская, 15 а, ауд. 215).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Тюменского Государственного Университета.

Автореферат разослан «___» _____ 2009 г.

*Ученый секретарь
диссертационного совета Д 212.274.02
кандидат философских наук, доцент*

А.И. Павловский

Общая характеристика диссертационного исследования

• **Актуальность исследования.** Когнитивная проблема – каким образом мы обретаем знания о действительности и является ли добытое знание «истинным» и достоверным – занимает современных философов не меньше, чем в свое время Платона. Безусловно, что проблема познания всегда являлась и будет являться одной из самых фундаментальных на протяжении всей истории философии, и, несмотря на то, что методологические подходы стали более сложными и разветвленными, сама постановка вопроса, не считая нескольких редких исключений, не изменялась. При этом следует отметить, что задача философии заключается «...не в том, чтобы размышлять или говорить о мире, а скорее в том, чтобы анализировать способы размышлений и высказываний о нем...»¹, и, по сути, философский анализ наших способов размышлений и высказываний о мире становится, в конце концов, общим описанием того, каким мы обязаны представлять мир при существующих способах мышления и языка². Не случайно современная философия становится преимущественно философией языка, делая предмет своего изучения то, как язык соотносится с миром. Являясь продолжением кантовской эпистемологической традиции, стремившейся связать трансцендентальный анализ с лингвистическим³, современная философия – и в особенности аналитические течения – поставила вопрос о том, как язык прицепляется к миру и каким критериям употребления он должен отвечать, чтобы быть истинным сообщением о том, о чем он сообщает. Именно на такого рода философские основания опирались в своих исследованиях Г.Фреге, Б.Рассел, Л.Витгенштейн, А.Тарский, Р.Карнап, К.Р.Поппер, В.Куайн, Д.Дэвидсон, Н.Гудмен, Р.Рорти и многие другие, заложив фундамент логического позитивизма, философии обыденного языка, прагматизма и многих других направлений в философии языка. Поэтому вряд ли можно сомневаться в колоссальном влиянии и успехе философии языка XX столетия, но, несмотря на то, что она, безусловно, внесла огромный вклад в историю философии, тем не менее в современной философии языка есть нечто странное, и можно только удивляться, почему на эту странность никогда не обращали внимания. И хотя на нас производит исключи-

---

¹ См.: Данто А. Аналитическая философия истории. – М., 2002. – С.7.

² Ведь «...без языка мы вообще не можем составить никакой картины мира...». См.: Юнгер Ф.Г. Язык и мышление. – СПб., 2005. – С.51. Более того, встречая рано или поздно на своем пути язык, мы сталкиваемся с ним «...не только в качестве модели, но еще и в качестве конститутивного элемента, посредующего звена, означаемого...». См.: Барт Р. Основы семиологии // Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму. – М., 2000. – С.248.

³ Так, в частности, Кант подчеркивал, что «...мыслить есть то же, что составлять суждения или относить представления к суждениям вообще». См.: Кант И. Пролегомены ко всякой будущей метафизике, которая может появиться как наука // Сочинения в 8 т. – М., 1994. – Т.4. – С.62-63.

тельно глубокое впечатление то, с какой пронизательностью и точностью в философии языка исследуются проблемы, все же сам перечень этих проблем не может не вызывать недоумения.

Поражает неизменно присущее ей крайне узкое понимание того, какие способы языкового употребления должны становиться предметом философского анализа, и если выразить это одним базовым принципом, то философия языка XX столетия является философией высказывания или суждения, независимо от того, что является предметом ее анализа – употребление языка в повседневной жизни или язык науки. Иными словами, современная эпистемология и философия языка никогда или почти никогда не обращались к проблеме конечных осмысленных множеств высказываний, организованных в той или иной логической форме дискурса, то есть к проблемам текста или повествования, к тому, как они соотносятся с миром и каким критериям должны отвечать, чтобы быть истинными сообщениями о том, о чем они сообщают, и это тем более удивительно, что большая часть наших способов языкового употребления по своему характеру является именно такими конечными осмысленными множествами высказываний, то есть текстами или повествованиями. Таким образом, именно это делает необходимым и диктует актуальность логико-семиотического анализа тех форм, которые принимают наши множества высказываний в процессе дискурса.

• **Степень разработанности темы исследования.** Следует отметить, что центральная проблема данного исследования – *природа такой особой познавательной формы, как мнение*, – рассматриваемая в контексте отношений между языком и миром, означающем в свою очередь *необходимость вскрытия логико-семиотических и функциональных свойств доксоморфного дискурса*, требовала детального критического анализа современного состояния философской мысли. Идеи, изложенные в работах таких философов, как Ксенофан, Алкмеон, Гераклит, Демокрит, Парменид, Протагор, Горгий, Пиррон, Платон, Ксенократ, Аристотель, Зенон Китийский, Клеанф из Асса, Хрисипп из Сол, Александр Афродисийский, Секст Эмпирик, Филон Александрийский, Аниций Боэций Северин, Иоанн Скот Эриугена, Ансельм Кентерберийский, Иоанн Росцелин, Гильом из Шампо, Гильберт Порретанский, Петр Абеляр, Иоанн Солсберийский, Фома Аквинский, Боэций Дакийский, Иоанн Дунс Скот, У. Оккам, Р. Декарт, Б. Паскаль, Дж. Локк, Т. Гоббс, Г.В. Лейбниц, А. Арно, К. Лансло, П. Николь, Хр. Вольф, Дж. Беркли, Д. Юм, Э.Б. Кондильяк, Х. Уарте, А. Баумгартен, И.-И. Винкельман, И. Кант, И.Г. Фихте, Ф.В.Й. Шеллинг, Г.В.Ф. Гегель, И.Г. Гаманн, И.Г. Гердер, А.В. Шлегель, В. Гумбольдт, И. Бентам, М. Штирнер, Ф. Майнеке, Э. Трельч, В. Дильтей, Г. Коген, П. Наторп, Э. Кассирер, Г. Риккерт, В. Виндельбанд, Х. Зигварт, Э. Мах,

Ф. Brentano, А. Майнонг, Ф. Брэдли (F.H. Bradley), Г. Стаут (G.F. Stout), Б. Кроче, Х. Ортега-и-Гассет, В.С. Соловьев, С.Н. Булгаков, В.Ф. Эрн, П.А. Флоренский, С.Л. Франк, Б.А. Фохт, Г.Г. Шпет, Б.В. Яковенко, А.Ф. Лосев, Л.С. Выготский, В. Сеземан-Ковно, Я.А. Слинин, В.М. Богуславский, А.А. Грякалов, Б.А. Ерунов, В.М. Розин, И.Т. Касавин, Г. Гёффдинг, Э. Гуссерль, Г. Ланц, Л. Ландгребе, Э. Марбах (E. Marbach), У. Найссер, Р.Л. Солсо, Дж.Р. Андерсон, Э. Холенштайн (E. Hohenstein), Х. Дрейфус (H.L. Dreyfus), Х. Холл (H. Hall), А. Пфендер, К. Маллиган (K. Mulligan), Б. Смит (B. Smith), А. Райнах, П. Прехтль, А. Пуанкаре, М. Хайдеггер, Г.-Г. Гадамер, Ч.Х. Кули, Э. Геллнер, А. Бергсон, Э. Жильсон, Ж.-П. Сартр, М. Мерло-Понти, М. Фуко, П. Рикёр, Н. Лобковиц, И.М. Бохеньский (I.M. Bochenski) Ф.Г. Юнгер, Ж.-Ф. Лиотар, Ж. Бодрийяр, Ю. Хабермас, Д. Дерри, Дж. Тош, М. Келли, Ж. Лакан, Д. Мэйси, П. Бурдьё, Р. Коллинз, Н. Хинске, П. Спиниччи, Ф. Бьянко, С. Хаак, П. Франкастель, Ж. Диди-Юберман, помогли автору сформировать и предложить собственный взгляд, а также определить возможные перспективы философских исследований в данной области.

Особо необходимо подчеркнуть значение для данного исследования идей трансцендентализма, изложенных в трудах И. Канта, И.Г. Фихте и Ф.В.Й. Шеллинга и составляющих одно из важнейших концептуальных оснований доксологии, поскольку они предоставляют возможность осуществить процедуру трансцендентальной дедукции как способа аргументации утверждения, согласно которому наше познание мира во многих сферах становится возможным только благодаря такой познавательной форме, как мнение, а также дать необходимое обоснование тем особым «трансцендентальным правилам», которым подчиняется мнение и которые, в отличие от «правил перевода», отстаиваемых сторонниками классической эпистемологии, не претендуют на то, чтобы направлять доксогента в решении проблемы «перевода» реальности в некоторое конечное множество высказываний о ней – мнение, но лишь определяют особую логическую структуру и связанную с ней специфику доксоморфных описаний мира. Кроме того, серьезное влияние на формирование авторской концепции, изложенной в данном исследовании, оказали также идеи таких радикальных конструктивистов, как Дж. Вико, Дж. Дьюи, Э. Глазерсфельд, Дж. Ричардс, У. Матурана, Ф. Варела, С. Цеккато, М. Вартофский, Ж. Пиаже, – сторонников проекта «эпистемологии без онтологии», – многие из которых, по сути, являются продолжением идей кантовского трансцендентализма.

Следует отметить, что при решении ключевых – в контексте поставленной проблемы – вопросов, связанных с уже отмечавшейся необходимостью исследования логико-семантических и функциональных свойств, которыми обладает доксоморф-

ный дискурс и которые определяют его специфику в отношении иных видов дискурса, использовались идеи, изложенные в работах крупнейших представителей такого философского направления, как *Sprachkritik* – Ф. Маутнера, Ф. Ницше, А. Штёра, К.Л. Рейнгольда, О.Ф. Группе, К. Германна, Г. Гербера, Ф.М. Мюллера, Г. Рунце, В. Камлая, П. Лоренцена, К. Лоренца, Ю. Миттельштрасса, а также современных исследователей данного направления – А.А. Лавровой, М.Е. Соболевой, С.Л. Фурмановой, Е.С. Черепановой; логико-философские и логико-семиотические исследования в области языка философов-аналитиков – Б. Больцано, Г. Фреге, Б. Рассела (B. Russell), А.Н. Уайтхеда, Л. Витгенштейна, Ф.П. Рамсея (F.P. Ramsey), М. Шлика, Р. Карнапа (R. Carnap), О. Нейрата, Г. Гана, Ф. Франка, Ф. Кауфмана, К. Гёделя, К. Гемпеля, П. Оппенгейма, К. Твардовского, Я. Лукасевича (J. Lukaszewicz), С. Лесневского, К. Айдукевича, Т. Котарбиньского, А. Тарского (A. Tarski), Х. Расёвой (H. Rasiowa), Я. Слупецкого, Б. Собочиньского, С. Яськовского, Дж. Мура, Г. Райла (G. Ryle), Дж. Остина, А.Дж. Айера (A.J. Ayer), Дж. Уисдома (J. Wisdom), П. Стросона (P. Strawson), К.Р. Поппера (K.R. Popper), У. Селларса (W. Sellars), Д. Армстронга (D. Armstrong), Р. Чизолма (R. Chisholm), В. Куайна (W. Quine), М. Даммита (M. Dummett), Р. Уокера (R.S. Walker), Г. Бэйкера (G.P. Baker), П. Хакера (P.M.S. Hacker), Г.Х. Вригта, М. Девиата (M. Devitt), К. Стерельного (K. Sterelny), Э. Гетье (E.L. Gettier), Ф. Фитча (F.V. Fitch), В. Харта (W.D. Hart), А. Чёрча (A. Church), Н. Гудмена (N. Goodman), Д. Дэвидсона (D. Davidson), И. Бар-Хиллела (Y. Bar-Hillel), Т. Сколема (T. Skolem), Л. Тондла, П. Гича (P.T. Geach), А. Уайта (A. White), Р. Кэмпсона (R. Kempson), П. Хорвича (P. Horwich), Д. Гэмлина (D.W. Hamlyn), Т. ДеМауро, П. Вейнгартнера, Дж. Сёрля (J.R. Searle), Д. Вандервекена (D. Vanderveken), Г.П. Грайса, Г.-Н. Кастанеды, Э. Тугендхата, А. Савиньи, Д. Льюиза, К.-О. Апеля, Н. Решера (N. Rescher), Х. Патнэма, К.Л. Кетнера, Д. Деннета, Д. Чалмерса (D.J. Chalmers), Дж. Катца (J.J. Katz), С.А. Крипке (S. Kripke), К. Доннеллана (K. Donnellan), Г. Эванса (G. Evans), У. Сэлмона (W. Salmon), Т. Бёрджа (T. Burge), П. Хэмфри (P.W. Humphreys), Дж. Фетцера (J.H. Fetzer), П. Чёрчланда (P. Churchland), С. Стича (S. Stich), Т. Нагеля, А. Данто, М. Оукшота, О. Эшейма (O. Asheim), Э. Голдмана (A. Goldman), П. Давсон-Галля (P. Davson-Galle), Ф. Бьёрдаля (F. Bjørdal), Я. Перегрин (J. Peregrin), Дж. Коркорана (J. Corcoran), С. Соумса (S. Soames), Н. Салмона (N. Salmon), С. Хэнссона (S.O. Hansson), Р. Рорти (R. Rorty), Я. Хинтикки (J. Hintikka), Е. Сааринена, М. Оксанена (M. Oksanen), Г. Санду (G. Sandu), Л. Колсона (L. Colson), А. Миру (A. Miroiu), Р. Чризли (R. Chrisley), У. Вибранек-Скардовски (U. Wybraniec-Skardowska), а также исследования, посвященные эволюции взглядов и позиций представителей аналитической философии –

Ф. Вайсмана, В. Крафта, Г. Кюнга, Г. Бэйкера (G.P. Baker), П. Хакера (P.M.S. Hacker), Дж. Пассмора, Б. Страуда, М. Чарльзворта (M.J. Charlesworth), М. Кронфорта, П. Кампица, К. Нири, П. Бенацерафа, П. Куртца, Т.И. Хилла, К. Нильсена, Н. Малкольма, К. Маллигана (K. Mulligan), П. Саймонса (P. Simons), Б. Смита (B. Smith), М. Маккинси, А. Папа, И. Хакинга, Д. Фоллесдала (D. Follesdal), В. Голдфарба (W. Goldfarb), К.Т. Фана (K.T. Fann), Я. Алнэса (J.H. Alnes), М. Мак-Гина (M. McGinn), Г.Е. Минца (G. Mints), П. Саймонса (P. Simons), С. Шанкера (S.G. Shanker), В. Тэйта (W.W. Tait), А. Андерсона (A. Anderson), М. Дэвиса (M. Davis), Н. Кокьяреллы (N.V. Cocchiarella), П. Хэйли (P. Healy), Ш. Сэнфорда (S. Sanford), М. Ван Аттена (M. Van Atten), Дж. Кеннеди (J. Kennedy), М. Круса, Э. Эзера, С.Д. Балмаевой, Н. Безлепкина, Б.В. Бирюкова, Л.А. Бобровой, Г.П. Григоряна, А.Ф. Грязнова, И. Джохадзе, Б. Домбровского, А.В. Кезина, М.С. Козловой, А.С. Колесникова, М. Кронгауза, В.Г. Кузнецова, Е.Е. Ледникова, М.В. Лебедева, Л.Б. Макеевой, М.Е. Соболевой, Л.А. Микешеной, С.В. Никоненко, Т.Н. Панченко, Е.Д. Смирновой, Н.В. Смолянской, В.А. Суровцева, Я. Шрамко, Н.С. Юлиной; работы в области семиотики и исследования семантики и стилистики дискурса – К. Бремона, О. Вальцеля, Т. Ван Дейка, А. Вежбицки, Т. Винограда, Р. Водака, Ж. Дюбуа, К.К. Жоля, В. Кинча, К. Леви-Стросса, Г.Е. Крейдлина, Ч. Морриса, Ч.С. Пирса, Р. Якобсона, Т.С. Элиота, В. Беньямина, Э. Ауэрбаха, Р. Барта, Ж. Женетта, П. Манна, Б. ХоллПарти, Ю.М. Лотмана, В.А. Зарецкого, П.Н. Медведева, М. Тростникова, Ж. Дерриды (J. Derrida), Ж. Делёза, Ю. Кристевой, Н. Пьеге-Гро, П. Серио, Ф. Растье, Ц. Тодорова, Л. Шпитцера; и, наконец, труды лингвистов – В.Г. Адмони, Ш. Балли, Э. Бенвениста, М. Блумфилда, В. Брэндаля, К. Бюлера, У. Вайнрайха, Ж. Вандриеса, Г. Гийома, Г. Глисона, А.Ж. Греймаса, Дж. Грина, Дж. Гринберга, Дж. Дженкинса, Л. Ельмслёва, О. Есперсена, Х. Изенберга, Ж. Курте, Р.Б. Лиз, А. Мартине, В. Матезиуса, Ч. Осгуда, А. Сеше, Г. Скрэгга, Д. Слобина, Ф. Соссюра, Х. Спанг-Хансенна, Э. Сэпира (E. Sapir), Л. Теньера, Н.С. Трубецкого, Х.И. Ульдалля, Б. Уорфа (B.L. Whorf), Ч. Филлмора, К. Фосслера, Д. Франка, А. Фрея, Ч. Фриза, Г. Хёнигсвальда, Н. Хомского, З. Хэрриса, У.Л. Чейфа, Г. Шухардта, М. Шютценбергера, а также А.Р. Лурии, И.Р. Гальперина, Н.П. Гринцера, В.А. Звегинцева, Г.В. Колшанского, Е.А. Реферовской, Л.М. Скрелиной и П.А. Соболевой.

Кроме того, следует также специально выделить, во-первых, ряд логико-семантических исследований в области историографии, принадлежащих как философам-аналитикам – А. Данто (A. Danto), Н. Гудмену, Ф. Анкерсмитту, так и историкам-номиналистам, которые в качестве предмета своего анализа избирают сами

методы презентации «вещей» в дискурсивно организованных множествах высказываний – Х. Уайту, П. Вену, П. Гэю (P. Gay), Э. Гомбричу (E.H. Gombrich), А. Мегиллу (A. Megill), К. МакКуллаху (C.V. McCullagh), – поскольку именно номиналистский анализ оказывается единственно возможной нередукционистской стратегией при изучении природы такой особой познавательной формы, как мнение; во-вторых, семиологические и транслингвистические исследования Р. Барта и Ю. Кристевой, анализирующих дискурс в отношении распределения его значения между различными дискурсивными инстанциями, в которых закрепляются расколотость и множественность, или полиморфность, его субъекта, что дает все необходимые основания для постепенной элиминации закона тождества в системах логического исчисления истинностного значения повествовательных структур нормального языка; в-третьих, труды основоположников системы иллюкутивной логики – Дж. Сёрля (J.R. Searle) и Д. Вандервекена (D. Vanderveken), а также исследования функциональных и формальных свойств фикционализованного дискурса – Г.-Н. Кастанеды, Б. Миллера и Д. Льюиза.

Помимо этого, при рассмотрении проблемы специфики и природы научных терминов и понятий, как и в целом вопросов, связанных с логико-семантическими свойствами терминов и понятий, используемых нами в процессе дискурса, а также посвященных структуре и функциям научного дискурса и свойствам номотетико-дедуктивной формы аргументации, автором были использованы работы К. Айдукевича, А. Тарского (A. Tarski), Э. Нагеля (E. Nagel), Г. Генцена, Г.Е. Минца (G. Mints), Д. Бейзина (D. Basin), С. Мэтьюса (S. Matthews), Л. Вигано (L. Viganò), Ст. Тулмина (St. Toulmin), К. Кнопп-Цетиной (K. Knorr-Cetina), Л.И. Розоноэра, В.Н. Карповича, И.В. Полякова, В.В. Целищева.

При разработке компонентов исследования, которые связаны со свойствами и функциями метафорических высказываний, – являющихся, по сути, своего рода «трансцендентальными схемами» для вполне определенных мнений, побуждающих доксогента представлять себе те буквальные высказывания о мире, которые ему предстоит включить в соответствующие доксы, – а также специальными проблемами парафразы выражений естественного, или нормального, языка, были привлечены и критически проанализированы идеи Аристотеля, Э.Б. Кондильяка, Г. Гербера, Ф.М. Мюллера, Ф. Ницше, Ф. Маутнера, Э. Кассирера, М. Блэка (M. Black), Г.-Г. Гадамера, М. Хайдеггера, Ж. Дерриды (J. Derrida), Д. Дэвидсона (D. Davidson), М. Токажа (M. Tokarz), К.К. Жоля, И.А. Ричардса, У.А. Шиблза, М. Бэрдсли, Ф. Уилрайта, Дж. Лакоффа, М. Джонсона, Р. Рорти, Д. Ротбарта (D. Rothbart), Х. Уайта, Дж. Сёрля (J.R. Searle), У.Л. Чейфа, Т.С. Элиота, Дж.Э. Спингарна, Дж.К. Рэнсома, К. Брукса, А. Тейта, Т.Э. Хьюма, В.А. Суровцева,

В.Н. Сырова, В.Г. Гака, С. Долгопольского, В.Н. Телии, Е.М. Вольфа, Х.Д. Леэметс, В.В. Петрова, С.А. Лебедева, Е.О. Опариной, О.М. Бессоновой, А.М. Шахнаровича, Н.А. Кожевниковой, И.В. Полозова.

При исследовании проблем, касающихся логики и эволюции социально-гуманитарных наук, закономерностей их развития и существующих проектов дифференциации идеографических и номотетических дисциплин, были использованы труды таких авторов, как: Р. Арон, У. Аутвейт, И. Валлерстайн, Э. Дюркгейм, И. Лакатос, П. Монсон, Х. Ортега-и-Гассет, Т. Парсонс, К.Р. Поппер (K.R. Popper), Г. Риккерт, Дж. Тернер, Ч. Тилли, П. Фейерабенд, Т. Холл, К. Чейз-Данн, О. Шпан, Б. Барнс (B. Barnes), Ж. Деррида (J. Derrida), П. Уинч, А. Шютц, Г.С. Батыгин, Г. Беккер, А. Босков, А.О. Бороноев, О.Г. Дука, В.Я. Ельмеев, Н.Ф. Овчинников, В.Н. Орлов, Н.С. Розов, В.В. Ильин, В.Ж. Келле, М.Я. Ковальзон, В.А. Кутырев, Р. Хрестанов, Ю.В. Чайковский, В.А. Ядов, М.Г. Ярошевский. При этом необходимо особо выделить исследования прагматистски настроенных историков и социологов науки – Т. Куна, М. Полани, Н. Хэнсона (N.R. Hanson), Б. Ван Фраассена (B. Van Fraassen) и Л. Флека, которые выдвинули и последовательно обосновали гипотезу о «теоретической нагруженности опыта».

В области некоторых общих вопросов эпистемологии, затронутых в данном исследовании, существенную помощь автору оказали работы М.Д. Купарашвили, В.А. Лекторского, Е.Я. Режабека, Е.А. Мамчур, Н.В. Мотрошиловой, С.С. Неретиной, Т.Б. Романовской, З.А. Сокулёр, В.М. Розина, В.С. Степина. Кроме того, при рассмотрении проблем, непосредственно касающихся некоторых неклассических проектов логики, в частности, ультраинтуиционистских, неологицистских, паранепротиворечивых, или параконсистентных, и нечетких, а также анализе вопросов, посвященных правдоподобности умозаключений и вероятностной логике, отдельным проектам модальной логики, принципам конструктивности истинностных значений и логикам с векторной семантикой, большую роль сыграли идеи, принадлежащие Дж.С. Миллю, Дж. Булю (G. Boole), Р. Карнапу (R. Carnap), Х. Рейхенбаху (H. Reichenbach), Р. Мизесу (R. Mises), С.А. Крипке (S. Kripke), Д. Нельсону (D. Nelson), Х. Макколу, Н.А. Васильеву, Я. Лукасевичу (J. Lukasiewicz), Э. Посту (E.L. Post), С. Клини (S.C. Kleene), А. Гейтингу, К. Гёделю, Д.А. Бочвару, Дж.М. Данну (J.M. Dunn), Н. Белнапу (N. Belnap), Л. Заде (L.A. Zadeh), А. Кофману, Г. Шаферу (G.A. Shafer), А. Демпстеру (A.P. Dempster), А. Чёрчу (A. Church), Е. Леммону, К. Сегербергу, Я. Хинтикке (J. Hintikka), Р. Монтегю, Д. Скотту, К. Файну, Д.М. Габбаю, Д. Пойя, Д. Дюбуа, А. Праду, Р. Сикорскому, М.Н. Бежанишвили, Л.В. Аршинскому, при этом особо следует отметить значение аналитических исследований и обзорных работ по многозначным

логикам, принадлежащих Дж. Россеру (J.V. Rosser), А. Тюркетту (A. Turquette), З. Готтвальду (S. Gottwald), М. Глассу (M. Glass), П. Саймонсу (P. Simons), И. Граттан-Гинессу (I. Grattan-Guinness), Ф. Пекхаусу (V. Peckhaus), С. Рахману (S. Rahman), С. Риду (S. Read), В. Стелцнеру (W. Stelzner), Г. Сандхольму (G. Sundholm), Я. Воленскому (J. Wolenski), М. Астро (M. Astroh), Р. Ягеру (R.R. Yager) А.С. Есенин-Вольпину, В.К. Финну, Ю.В. Ивлеву, А.С. Карпенко.

Наконец, при решении специальных вопросов, связанных с дискретной математикой, теорией множеств, теорией вероятностей, теорией матриц, а также математической статистикой автор опирался на работы Дж. Бендата, Г. Вейля, А. Пирсола, Г. Крамера, А.А. Френкеля, И. Бар-Хиллела (Y. Bar-Hillel), Х. Джефрейса (H. Jeffreys), Д.М. Кейнса (D.M. Keynes), Б.В. Гнеденко, П.С. Александрова, А.Н. Колмогорова, С.В. Яблонского, Р. Беллмана, Ф.Р. Гантмахера, П. Ланкастера, Р. Пенроуза (R. Penrose).

• **Цель и задачи исследования.**

Следует отметить, что в самом общем виде наш доксоморфный дискурс содержит то, что можно обозначить как «суперструктуру» и «инфраструктуру»⁴. При этом термин «суперструктура» относится к той логической форме, которую обычно имеют доксоморфные описания мира, в то время как термин «инфраструктура»⁵ указывает на общую совокупность содержаний суждений и представлений, которые доксогент применяет в его описании. Убеждение классической эпистемологии, согласно которому развитие познания происходило благодаря эволюционным изменениям в инфраструктуре дискурса, тогда как суперструктура оставалась, по существу, неизменной с момента зарождения языка, часто интуитивно и неявно подводит нас к выводу, что только исследование инфраструктуры может представлять настоящий интерес для философа, но, тем не менее, если логическая форма, в которую доксогент, то есть человек, высказывающий мнение о мире, облакает свои описания мира, не подвержена изменениям, то представляется совершенно очевидным, что именно она и должна быть наиболее важным ключом к пониманию природы доксоморфного дискурса. В этом смысле крайне существенным оказывается то, что формы – *Gestalt* – никогда не являются равновеликой оболочкой содержания – *Gehalt* – или, другими словами, знак либо всегда отражает лишь часть означаемого, либо наоборот, знак не только прибавляет к означаемому новые смыслы,

---

⁴ Данные термины – «суперструктура» и «инфраструктура» – активно используются в семанализе, в частности, в его версии, предложенной Бартом. Подробнее см.: *Барт Р. Воображение знака // Избранные работы.* – М., 1989. – С.251.

⁵ Необходимо указать, что так понимаемая инфраструктура доксоморфного дискурса, по сути, составляет основной предмет интереса герменевтики, безразличной или, по крайней мере, мало интересующейся логической формой текста.

но и вмещает множество смыслов, предоставляя все необходимые основания для такого феномена, как полисемия, поскольку согласно весьма проникательному наблюдению, принадлежащему исследовательской линии семанализа Барта-Женетт-Кристевой, в знаке находят лишь то, что знают, или думают, что знают, и расчленив его, даже не задумываются о его собственной природе и значении, хотя между тем знак – *Signum* – это отнюдь не понятие – *Begriff*, и тем более не правдивое зеркало воспринимаемой реальности; знаковое мышление ограничивает определенную область нашей интеллектуальной деятельности, которая имеет свои принципы и свою очевидность – *Selbstverständlich*, предполагая тем самым тщательное и детальное исследование, без которого никак не удастся вскрыть все его внутренние связи и взаимоотношения с миром. Как следствие, несмотря на то, что никогда не бывает полного, точного и стабильного соответствия между знаками и значениями, хотя в то же самое время мнения, или дискурсивно организованные множества знаков, рассматриваемые в логическом контексте, демонстрируют – *Gleichförmigkeit* – равномерность, становится вполне понятной необходимость анализа именно логико-формальных аспектов мнения, изучаемых в отвлечении от их бесконечно разнообразных содержаний. Более того, именно «суперструктура» доксоморфного дискурса, то есть логическая форма в которую он заключен, выступая, если можно так выразиться, структурообразующей осью для множества более или менее различающихся между собой типов – как письменных, так и устных – дискурсов, позволяет определить среди прочего и сами содержательные особенности каждого из этих языковых феноменов.

Приведенные рассуждения позволяют определить в качестве *основной цели данного исследования логико-семиотический анализ природы такой особой познавательной формы, как мнение*, посредством последовательно проведенной экспликации ее логической формы, а также установлением тех свойств и правил доксоморфного дискурса, которые – рассмотренные в контексте проблемы отношения языка и реальности, – позволят прояснить некоторые из границ выразительной способности такой знаковой системы, как нормальный, или естественный, язык⁶. При этом сама процедура логико-семиотического анализа мнения и установление структуры его логической формы с необходимостью требует – как условие корректной экспликации свойств логической формы мнения – элиминации из логического анализа любых онтологических допущений, что означает его ориентацию на такие особенности знаковых изображений – репрезентаций, которые определяются

---

⁶ В данном случае бесспорным является то, что сами по себе «...возможности языка всегда находят воплощение не в чем ином, как в дискурсе – устном или письменном...». См.: Женетт Ж. Вымысел и слог // Фигуры в 2 т. – М., 1998. – Т.2. – С.410.

исключительно семантико-синтаксической структурой нормального, или естественного, языка. Таким образом, отказ от любых онтологических предпосылок приводит к иному пониманию свойств такой особой познавательной формы, как мнение, трактуемых не через призму выражения законов мысли, а как способ демонстрации свойств языка и, в частности, доксоморфного дискурса. Кроме того, следует обосновать необходимость выбора при проведении логико-семиотического анализа мнения в качестве основной единицы значения – осмысленного конечного множества высказываний. Соответственно, специфические свойства такого конечного осмысленного множества высказываний, как докса, позволяют показать, что на его основе могут быть введены все остальные значимые элементы доксоморфного дискурса – высказывания и доксомы, а это в свою очередь означает, что все вопросы о значении знаков в доксоморфном дискурсе должны предваряться вопросом о способах их использования, которые задают возможную интенцию их значения, что, как следствие, позволит обратиться к исследованию прагматики доксоморфного дискурса, то есть установлению возможных критериев для оценки разных по содержанию, но имеющих общий предмет мнений.

Итак, все вышеперечисленные исследовательские интенции создают определенного рода концептуальное пространство, в рамках которого предлагается авторская интерпретация проблемы и пути ее решения.

• **Методология исследования.** Методологическим основанием диссертационного исследования являются семанализ, позволяющий избежать некритического рассмотрения знаковых построений как построений однозначно детерминированных, ориентированных лишь на свой денотат и игнорирующих свой собственный субъект, логико-эпистемологический анализ, аксиоматическое конструирование, также активно применяется сравнительно-критический анализ. Для разработки прикладных аспектов философской проблематики диссертационного исследования применяются методы математического моделирования.

• **Основные положения исследования, выносимые на защиту.**

1. Мнение является первичной системой дескрипции и референции, и как особая познавательная форма выступает в качестве инструмента для создания определенного «образа» или «картины» мира, посредством предоставления способа ее описания – «точки зрения». Соответственно, мнение представляет собой уникальную и индивидуальную интерпретацию мира или фрагмента реальности.

2. Мнение это мыслимое содержание любого доксоморфного дискурса, логической формой которого является *δόξα* – осмысленное конечное множество высказываний, теряющих в рамках этого множества свою автономность и выполняющих такую функцию означивания, которая не репрезентирует какую-либо «сущность»

или означаемое, а которая маркирует множественное и случайное распределение бесконечности означивания в теле нормального языка и пространстве знакового мышления, локализуя и индивидуализируя один из возможных способов употребления знаковых структур. Любая докса является по своей структуре «логически простотой» и «логически неделимой» – это означает, что в доксе заключение логически неотделимо от нее как от целого, что делает невозможным восстановление посылок, из которых оно следует, и не позволяет редуцировать мнение либо к предложениям, либо к выраженным посредством них высказываниям, а, следовательно, доксоморфная форма аргументации принципиально отлична от номотетико-дедуктивной.

3. Докса имплицитно содержит «точку зрения» – особый логический компонент, который обеспечивает единство и осмысленность доксоморфного дискурса и выполняет супрасегментарную функцию, собирающую множество высказываний в целое, части которого более неразличимы. «Точка зрения» имеет характер и свойства метафорического высказывания, выступая схемой для концептуализации мира, она указывает какие именно высказывания необходимо отобрать для описания мира, тем самым себя показывая. Соответственно, «облик» или «картину» мира, предлагаемые имплицитно содержащейся в доксе «точкой зрения», не следует относить к самой реальности, так как отдавать предпочтение определенному виду высказываний о мире не значит утверждать что-то о природе реальности, иными словами, предлагаемые «точками зрения» способы описания мира никогда не включаются в строение самой реальности, а являются трансцендентальными условиями возможности самого описания.

4. «Мнимое» – это особое место референции в доксе. Трансцендентальным условием возможности существования нескольких разных по содержанию мнений о некотором «мнимом» предмете является отсутствие в нем какой-либо сущности или иной ингерентной структуры. Таким образом, доксогенты спорят не о том, как воспроизвести или репрезентировать предмет доксы – «мнимое», а о том, какое содержание ему лучше придать. Соответственно, предмет доксы – «мнимое» – никогда не дан сам по себе, а дан только в некотором доксоморфном описании, помимо которого он вовсе не существует. Предмет доксы – «мнимое», является не действительным, а лишь возможным предметом, и, следовательно, любой вопрос о его онтологическом статусе есть лишь вопрос об онтологии возможного, а это означает, что предмет доксы – «мнимое» – взятый сам по себе, есть необходимая функция доксоморфного дискурса, обеспечивающая его единство, но не представляющая никакого предмета, а только лишь его возможность.

5. Любой предмет доксы – «мнимое» – обозначается в ней посредством доксом, которые являются особыми терминами или понятиями, отличными по своим свойствам от теоретических понятий. Доксомы принципиально омонимичны, что создает условия для неустранимой смысловой множественности, что, в свою очередь, является основанием отсутствия устойчивого соответствия между доксой и миром, соответственно, доксомы, выступающие в качестве имен собственных тех или иных предметов докс – «мнимого», обозначают не явления или аспекты реальности, но исключительно доксоморфные интерпретации мира, то есть наши о нем мнения. Как следствие, анализ природы доксоморфного дискурса, сосредоточенный на исследовании такого положения, когда имя предмета занимает его место, позволяет создать между словами и вещами новые связи и уточнить тем самым некоторые свойства языка и предметов, которые обычно просто игнорируются.

6. Высказывания в доксе выполняют помимо дескриптивной функции, еще и функцию индивидуализации «точки зрения». То, что высказывания в доксе одновременно выполняют обе эти функции – дескриптивную и индивидуализирующую – является одной из основных причин отсутствия устойчивости в отношениях между таким осмысленным конечным множеством высказываний как докса, с одной стороны, и миром, с другой, а также, соответственно, отсутствия критериев истинности для таких осмысленных конечных множеств высказываний, как докса.

7. Прагматистская, корреспондентная и когерентная теории истины являются неприемлемыми в отношении мнения как особой познавательной формы, так как не позволяют дать никакого удовлетворительного определения понятия «истинность или ложность» доксы, и, следовательно, необходимо заключить, что говорить об «истинности или ложности» докс в том смысле, в каком мы говорим об «истинности или ложности» высказываний нельзя, а это, в свою очередь, означает, что для такой особой познавательной формы как мнение критерий «истины», истолкованный фундаменталистски, иррелевантен. Взамен терминов «истинность» и «ложность», как критериев для проведения оценки двух и более мнений, имеющих некоторый общий для них предмет – «мнимое», следует принять имманентное свойство доксы – «быть правдоподобной», которое выступает в качестве признака относительной приемлемости или адекватности докс, а не как степень вероятности того, что то о чем говорится в мнении соответствует действительности.

8. Значение такого рода сложных знаковых практик, как повествовательные структуры нормального языка, опосредованных доксой, или логической формой мнения, заключено вовсе не во внешнеположенном этому дискурсу референте, отражением которого ему предписывается быть, поскольку доксоморфное употребление языка неразрывно связано с не-номологическими, то есть параграмматическими

артикуляциями в дискурсе, что, соответственно, требует замены понятия языкового закона – *νομος* – понятием языковой упорядоченности – *διεξοδος*, – или осмысленности, когда нормальный язык предстает не как механизм, управляемый определенными заранее установленными принципами, а как своего рода структура, согласуемые части которого зависят друг от друга и поочередно, в зависимости от характера употребления, начинают доминировать, не теряя при этом особенностей, обусловленных их принадлежностью к той или иной супрасегментарной функции.

9. Принимая во внимание специфическую природу доксоморфного дискурса, доксология предлагает и последовательно отстаивает проект логики матриц, – особого рода интенциональной четырехзначной авалентной логики, – который призван стать инструментом, обеспечивающим операции над истинностным значением таких референциально непрозрачных повествовательных структур нормального языка, как мнения, иными словами, логика матриц является системой исчисления истинностного значения конечных и вполне упорядоченных множеств высказываний, взятых как целое и имеющих форму доксоморфной аргументации, это предполагает, что матричная система исчисления, в контексте выявленной специфики структуры и принципов доксоморфной формы аргументации, будет производить операции над любыми типами конечных и вполне упорядоченных множеств, истинностное значение которых берется и анализируется как целое, при этом сами процедуры и операции логики высказываний меняют свое значение и приобретают иной характер по сравнению как с классическими, так и не классическими системами исчислений.

10. Доксоморфный способ понимания мира или фрагмента реальности может быть осуществлен только при наличии множества разных мнений, поскольку это позволяет взаимно определять имплицитно содержащиеся в них «точки зрения», а это означает, что существование «со-мнения», или альтернативного мнения, не проблематично, а аподиктично. Соответственно, максимальная ясность в процессе доксоморфного дискурса может быть достигнута исключительно в условиях множественности мнений, или доксоморфных интерпретаций, но никак не посредством редукции всего их разнообразия к одному-единственному «идеальному». Следовательно, наличие иной «точки зрения» является необходимым условием для установления специфического характера любой другой «точки зрения». «Доксогенное давление» устанавливает для доксогента лишь контекст, который принимается им во внимание при создании и выдвигении своего собственного мнения о некотором предмете, но никогда непосредственно само содержание нового мнения, а это означает существование принципа «содержательной автономии доксы», согласно которому мнения не произвольны, но, в то же самое время, и не необходимы.

11. Любое мнение может возникнуть только путем творения, которое представляет собою такой переход от возможности к действительности, где действительное есть нечто совершенно новое по отношению к возможному. Трансцендентальными условиями творчества являются, во-первых, трансцендентальная идея свободы, или самопорождаемость, без которой оказывается не возможен переход от бесконечного к конечному, то есть переход от мира или фрагмента реальности к мнению о нем, и, во-вторых, отсутствие сущности или иной родственной ей ингерентной структуры у предмета творческого акта, поскольку любой творческий акт – это всегда есть нечто из ничего.

• **Научная новизна исследования.** Доксология как учение о знаковом мышлении и дискурсивной деятельности, акцентируя свои аналитические усилия на выявлении строения и принципов взаимного сочетания таких дискурсов, которые находятся в процессе самосозидания, или саморефлексии, поскольку мнение есть то место – *тоπος*, где язык рефлексивен о себе самом, проставляя собственные границы, а заодно и границы знакового мышления, последовательно отстаивает идею о том, что именно саморефлексия языка осуществляемая в пределах доксоморфного дискурса является движущей силой преобразования систем мышления.

Необходимо отметить, что мнение как особый означивающий комплекс содержит структуру, образованную множеством сцеплений, которую можно описать как сеть параграмматических связей, и именно матричная, или нелинейная, модель создания знака, взятая в контексте параграмматизма, позволяет продемонстрировать динамическую и топологическую схему, определяемую тем, что знак в доксоморфном дискурсе оказывается значащим, если он отсылает к другому знаку, но не к универсуму внеположенных ему означающих, и отличную от системы семантических и грамматических норм денотативного и коммуникативного дискурса, – где решающую роль играют отношения означающего к означаемому, – поскольку сама фикционализирующая функция доксоморфного дискурса, то есть денотация без денотата, подразумевает, что доксогент, располагая всей потенциальностью значений дискурсивных практик некоторого нормального языка, избегает номологичности, придавая своему дискурсу катахрезичный характер, разрушая тем самым семантическую тождественность дискурса.

Следует признать, что доксоморфное употребление языка – это освоение и выявление потенций, заложенных в языке, творческая деятельность, с помощью которой субъект-доксогент освобождается от давления целого ряда языковых и психических схем. Таким образом, акт означивания, взятый в контексте доксоморфного употребления языка, представляет собой творческий языковой процесс, в рамках которого следует различать два компонента: артикуляцию некоторого вполне оп-

ределенного конечного множества знаков и супрасегментарную функцию, которая собирает данное множество в целое, придавая ему тем самым осмысленность и наделяя значением, и является своего рода субъектом, занимающим определенную позицию ради презентации акта самого означивания, маркирующим один из возможных способов означивания в нормальном языке, но в то же время не располагающегося ни в одном из знаков множества в отдельности, а распределенного по всему означивающему комплексу – доксе.

Как следствие, стандартные дедуктивные и индуктивные логические подходы явно недостаточны для моделирования всех, или хотя бы основных, форм легитимной аргументации, поскольку существуют принципы и нормы артикуляции дискурсивно организованных множеств высказываний, которые помимо чисто логических структур, содержат риторические и эстетические компоненты, и тем самым не являются охваченными категориями дедуктивной обоснованности или убедительности и индуктивной силы. Все это диктует необходимость создания целостной теории знакового мышления, которая находится вне пределов формальной дедуктивной и индуктивной логики, и требует последовательной реализации исследовательских интенций на анализ всех типов дискурсивно выраженной означивающей деятельности, сочетающийся с необходимостью топографирования пограничных линий между различными типами дискурсивного убеждения. При этом прояснение оснований знакового мышления и дискурсивной деятельности и логического критицизма в неформальных терминах имеет прямые последствия для таких областей как семиотика, лингвистика, логика, эпистемология и философия языка.

• ***Теоретическая и практическая значимость исследования.*** Значимость диссертационного исследования обусловлена тем, что созданы и аргументированы необходимые философские основания для анализа такой особой познавательной формы как мнение:

1. Лингвистический и логико-семантический компоненты доксологии, понимаемой как учение о способах преобразования и дискурсивного представления «точек зрения» на мир, предоставляют нам инструмент для соединения двух измерений денотативной и коннотативной сигнификации, с помощью которых доксогенты не только придают миру или его фрагментам статус действительности, но и наделяют их смыслом, и именно в связи с этим они имеют важное теоретико-методологическое значение для теоретической лингвистики, семиотики и философии языка.

2. Аргументировано и обосновано утверждение о том, что вопрос о природе такой особой познавательной формы, как мнение, – это вопрос несвязанный с понятием «истинности», то есть возможностью того, что какие-то элементы доксо-

морфного описания мира могут выполняться, или, иными словами, соответствовать действительности, а какие-то нет, а это, в свою очередь, позволяет утверждать, что указанный вопрос о природе мнения лишается традиционно понимаемого референциального измерения, которому в классической теории истины соответствует корреспондентный элемент, и, соответственно, исходя из всего вышесказанного, необходимым становится кантовский вывод: для анализа докс не имеет смысла исследовать внеязыковую действительность, поскольку природа мнения объяснима исходя только из структуры мышления, а также из семантики и синтаксиса языка, и именно в этом смысле, вопрос о природе мнения – это, в той или иной мере, вопрос о когеренции элементов мысли и языка.

3. Найдены и проанализированы необходимые аргументы в пользу, индетерминистского по своей сути, утверждения о том, что поскольку язык предлагает множество путей для конституирования и конструирования своего предмета и его последующего закрепления в образе или понятии, то, соответственно, доксогенты располагают неограниченным выбором форм и модальностей дискурсивного преобразования и представления, которые они могут использовать для того, чтобы строить свои индивидуальные и вполне определенные «точки зрения» на мир, как выявляющие те или иные его смыслы. Таким образом, даже если число доксоморфных описаний и объяснений может быть ограничено, то, тем не менее, их комбинации в дискурсе фактически бесконечны, – что, как следствие, позволяет говорить о творческой функции языка, которая получает свое осуществление в процессе доксоморфного дискурса, – а это, в свою очередь, связано с тем, что в самом языке нет критериев, позволяющих различать «правильное», или «буквалистское», и «неправильное», то есть доксоморфное, использование языка.

4. Разносторонний и многофункциональный анализ, проведенный в диссертационном исследовании, позволяет расширить представления о специфике и функциях познавательного процесса, осуществляемого в пределах доксоморфных разновидностей дискурса – обыденного, или повествовательно-прозаического, философского, художественного и историографического. Утверждение о том, что мнение является первичной системой дескрипции и референции, и как особая познавательная форма выступает в качестве инструмента для создания определенного «образа» или «картины» мира, посредством предоставления способа ее описания – «точки зрения», позволяет целенаправленно аргументировать в пользу того, что мнение – представляя собой уникальную и индивидуальную интерпретацию мира или фрагмента реальности – как способ репрезентации феноменов внелингвистической реальности, – во многом содержит «поэтические» и «риторические» свойства, имплицитно различая принципиальное отличие и специфику доксоморфного дискурса от

всего того, что считается «научным» дискурсом, представленным логической формой номотетико-дедуктивной аргументации. По-сути, природа мнения указывает на доксоморфный аспект дискурса, понятый как такой постоянный вид использования языка, с помощью которого мир или некоторый его фрагмент преобразуется в предмет дискурса, и поскольку предмет доксы – «мнимое» – обладает только «лингвистическим существованием», то, соответственно, любое мнение является таким дискурсом, который нацелен на конституирование и конструирование правдоподобного повествования о своем предмете, а не на «статическое» описание положения дел «как-оно-есть-на-самом-деле» при помощи некоторого множества протокольных предложений.

5. Авторская концепция, изложенная в исследовании, предоставляет возможность для проведения релевантного философского анализа таких языковых феноменов, как синонимия и омонимия, а также может быть использована при рассмотрении вопросов, связанных с поиском необходимых оснований для синтактико-семантического определения дискурса, указывая и обосновывая необходимость принятия во внимание при анализе природы доксоморфной аргументации структуры отношений индивидуальных переменных и их предикатов в контексте того или иного дискурса.

6. Разработана специальная система исчисления истинностного значения конечных и вполне упорядоченных множеств высказываний, взятых как целое и имеющих форму доксоморфной аргументации – логика матриц, которая позволяет обеспечить операции над истинностным значением таких референциально непрозрачных повествовательных структур нормального языка, как мнения.

7. На основе предлагаемого взгляда был предпринят также и вполне конкретный опыт исчисления правдоподобности мнений, в частности, был разработан математический аппарат, позволяющий производить оценку «коэффициента правдоподобности» для исторических моделей, являющихся способами видения прошлого, или его доксоморфными интерпретациями. В этой связи следует также отметить, что результаты исследования могут служить основой для разработки специальных математических средств анализа в отношении такой особой познавательной формы, как мнение, открывая возможность для создания аппарата, позволяющего производить оценку «коэффициента правдоподобности» мнений в целях его применения в области политологии, PR-технологий и политической логистики.

• **Апробация результатов исследования.** Результаты диссертации апробированы в следующих формах:

— Участие в работе конференций (XI Международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов – 2004», г.Москва; V Все-

российская научная конференция «История идей и история общества», г.Нижевартовск; Всероссийская научно-практическая конференция, посвященная памяти профессора В.А.Данилова «Историк и его эпоха», г.Тюмень; Всероссийская научная интернет-конференция с международным участием «Анализ гуманитарных проблем современного российского общества», г.Омск; V Всероссийская конференция «Художественная культура: теория, история, критика, методика преподавания, творческая практика», г.Красноярск; Всероссийская научно-практическая конференция «Актуальные проблемы вузовской науки: теоретические и практические аспекты», г.Тамбов; Межвузовская научно-практическая конференция «XXI век: Вызовы времени (региональный, российский, международный аспекты)», г.Воронеж; VII Всероссийская научная конференция «История идей и история общества», г.Нижевартовск), выступления на летних философских школах (VII Летняя философская школа «Голубое озеро», г.Новосибирск).

— Исследование, поддержанное грантом федерального агентства по образованию (Грант: А04-1.1-223, «Количественные методы и оценка правдоподобности исторических взглядов»).

• **Структура и объем исследования.** Диссертация изложена на 536 страницах и состоит из введения, трех глав, заключения и списка литературы, включающего 933 наименования, в том числе 172 на иностранном языке.

Основное содержание диссертационного исследования

Во *введении* обосновывается актуальность темы диссертационного исследования, характеризуется степень ее теоретической разработанности, анализируется проблемное поле и формулируется объект, предмет, основные цели и задачи работы, определяется новизна и практическая значимость исследования.

В *первой главе* – «**Δόξα versus ἐπιστήμη: историографические и логико-семиотические основания**», предпринимается историко-философский анализ истоков и эволюции центральной проблемы диссертационного исследования – природы такой особой познавательной формы как мнение. При этом отмечается, что в основе большинства течений и направлений современной философии лежат два тесно связанные предположения, не позволяющие использовать достигнутые этими течениями и направлениями результаты в том виде, в котором они были получены, без внесения существенных изменений. Первое предположение – методологическое, основано на так называемом резолюционно-композиционном методе. В самом общем виде этот метод требует, разделения сложных проблем на составляющие их более простые компоненты, в соответствии с чем, любое исследование рекомендуется начинать с более простых проблем и затем постепенно и осторожно добирать-

ся до более крупных и сложных. Соответственно, применение резолюционно-композиционного метода в исследовательской практике современной философии языка означало появление почти повсеместно разделяемого убеждения, согласно которому философия языка должна начинаться с исследования поведения логических постоянных – имен собственных, а также значения слов и предложений, поскольку именно путем анализа предложений, их основных компонентов или простых соединений предложений предполагалось эксплицировать трансцендентальные условия истины и значения, но, несмотря на кажущуюся, на первый взгляд, и неявно полагаемую интуитивную оправданность данного метода, данный метод, тем не менее, отвергается доксологией, разделяющей холистское, по сути, утверждение о приоритете в доксоморфном дискурсе логической формы над ее составными частями – предложениями и терминами, хотя она, безусловно, не отрицает необходимость детального анализа логико-семантических отношений между терминами и понятиями, включенными доксогентом в свое доксоморфное описание мира, тем более что эти отношения – как, например, отношения между предметом конечного осмысленного множества высказываний и его обозначающим его именем собственным – обладают особой природой, которая заключается в необходимости их семантической определяемости исключительно с помощью некоторого вполне определенного мнения взятого как целое. Согласно второму предположению, в современной философии языка вообще не расценивается как проблема тот факт, что язык может демонстрировать сложную картину реальности в контексте конечных осмысленных множеств, то есть текстов, лучше, чем с точки зрения индивидуальных предложений, то есть большинство исследователей логико-семантических свойств языка не усматривало проблемы именно в этом, предпочитая избегать анализа структуры дискурса, того, что, например, совершенно принципиально не могло быть элиминировано семиотикой, лингвистикой текста и литературоведением. Исходя из всего этого, особо подчеркивается, что для доксологии, искомая систематическая теория значения должна быть строгой и достаточно богатой по своим объяснительным возможностям, но, в то же время, основывается не на атомарной, то есть берущей в качестве исходной значимой единицы языка отдельное слово – термин или понятие, и не на молекулярной, утверждающей исходной значимой единицей языка – целое предложение, а универсальной и холистской модели языка.

В параграфе – §1. *«Эволюция проблемы: от дистинкции δόξα и ἐπιστήμη как способа выявления онтолого-гносеологических соответствий до поиска логико-семиотических оснований доксоморфного дискурса»*, – устанавливается, что возникновение дистинкции δόξα и ἐπιστήμη – является результатом процесса осмысле-

ния и категориального оформления основных философских идей и проблем зарождающейся теории познания, среди которых приоритетная роль закрепляется за вопросом об отношении между познанием и миром. При этом указанная дистинкция мнения и знания впервые становится основанием для соотнесения способов познания с различными уровнями реальности – «чувственное восприятие», имеющее своим предметом изменчивый мир становления – *αἴσθητά*, рождает – *δόξα*, как область веры – *πίστις*, и догадки – *εἰκασία*, в то время как «мышление» и «разум», обращенные на умопостигаемый мир неизменного бытия, приводят к «истине» – *ἀλήθεια*, являющейся определяющим свойством для *ἐπιστήμη*. В соответствии с этим, способы познания дифференцируются на непосредственно-интуитивные – *νόησις*, и дискурсивные – *διάνοια*, и именно последние, то есть дискурсивные способы познания характеризуются либо как *ἐπιστήμη* – «точное знание», или исходящее из необходимых посылок, либо как *δόξα* – мнение, если посылки носят вероятностный характер. Тесная связь онтологических и гносеологических аргументов в процессе эволюции теории познания привела к постепенному становлению и утверждению «теории отражения» – *Abbildstheorie*, как основания доктрины «эпистемологического фатализма, согласно основным принципам которого все, что может быть «познанным», «увиденным» или «воспринятым» каким-либо другим способом с необходимостью уже должно находиться где-то там вне познающего субъекта еще до того как оно станет предметом «познания». Таким образом, процессу познания приписывается способность и необходимость быть «изображением» и «отражением» мира, который пребывает где-то там – вне субъекта познания, и который должен существовать до того, как познающий субъект его увидит либо воспримет каким-то другим образом. Априорное допущение того, что познание является обязательным описанием, или изображением мира, таковым каков он есть, ставит традиционную эпистемологию перед сложнейшей дилеммой – необходимостью выбора критерия, исходя из которого оказывается возможным судить о «правильности» наших описаний и изображений, и, как следствие, на роль такого критерия было выдвинуто понятие «истина» – *ἀλήθεια*, которое в процессе последующей историко-философской эволюции превратилось в совершенно особую семантическую категорию, ставшую специальным предметом логико-философского анализа. Наконец, наряду с многочисленными философскими системами, основанными на традиционной эпистемологии, согласно которой человек рождается в предустановленный, в себе и для себя пребывающий мир с единственной задачей – изучить и как можно достовернее познать действительность, возникают системы критической философии: софистика, скептицизм, трансцендентализм, радикальный конструктивизм, – которые создают все необходимые основания для аргументации утверждения о

том, что об одном и том же предмете всегда возможны как минимум два мнения, поскольку именно человек является мерой всех вещей, и которые делают предметом философского анализа конституирующую и конструирующую деятельность познающего субъекта.

При этом отмечается, что трансцендентализм, оказав определяющее влияние на смещение акцентов в эпистемологической проблематике, имплицитно содержит в себе все необходимые основания для возникновения философских направлений делающих предметом своего анализа не установление четких границ познавательных способностей, а язык, за которым постепенно утверждается «медиаальный» статус посредника между познанием и миром. «Лингвистическая», или «семантическая», стратегия исследования природы способов познания состоит в изменении интенции философского анализа с рассуждения об объектах на рассуждение о словах, или, иными словами, происходит переход от одного объекта исследования к другому – от человека и мира к языку, на котором можно говорить о человеке и мире. Таким образом, *Linguistic Turn* – это поворот от наивно-реалистического представления о том, что философия может исследовать мир в его субстанциалистском и эссенциалистском смысле, к исследованию того, как мы говорим о мире и как рассуждаем о самом рассуждении, и именно с этим связано выдвижение на передний план проблемы значения – центральной проблемы философии языка. Проект лингвистической критики метафизической философии имеет своим предметом аристотелевское понимание истины, которое начинает расцениваться как следствие вполне определенной языковой конвенции, поскольку если взаимопонимание на уровне языка неизбежно требует intersубъективного признания некоторых правил, то и возможность истины как «объективной» оказывается предусмотрена самим языком. В философии языка возникает и получает систематическую аргументацию идея, согласно которой все свои представления о структуре мира человек получает из структуры языка, более того, между обеими структурами имеется столь строгое соответствие, что изменения в «грамматике» языка должны вызывать за собой и изменения в мировоззрении. Иными словами, каждый человек оказывается в семантическом плену своей индивидуальной лингвистической оболочки и это, в свою очередь, объясняет, почему какими бы разными ни были индивидуальные языки и как бы плохо они ни согласовывались друг с другом, тем не менее, каждый из них прекрасно согласуется со своим собственным «миром», но вместе с этим «действительный мир» – «мир-как-он-есть» – вовсе не совпадает по структуре ни с одним из возможных языков, как в отдельности, так и со всеми ними в совокупности. Таким образом, постепенно возникает понимание того, что внешний «действительный мир» ничего конкретного субъекту познания не навязывает и ему подходят разные

его «картины», а это, соответственно, делает мир по отношению к нам «бесконечным», ведь у нас нет никакой возможности отрицать то, что мир заключает в себе бесчисленные толкования.

Интерес и осознание центральной роли логико-семиотических проблем языка для философии становятся основанием для появления разнообразных логицистских проектов. При этом особой чертой логицизма является то, что он никогда не был ориентирован на прояснение сущности языка, то есть логицизм не отталкивается от той общей предпосылки, что язык функционирует, описывая реальность или в каком-либо отношении указывает на нее. В соответствии с этим, рассматривая мысль как содержание предложения, логицизм по преимуществу не ставил перед собой задачи выяснения того, каким образом мысль относится к действительности, то есть логицизм не говорит о том, что такое есть язык, но говорит о том, что, если в языке должны осуществляться выводы, а нечто должно признаваться истинным, то использование языка должно отвечать определенной структуре, и эта структура может быть четко зафиксирована с помощью определенных выразительных средств, имеющих формальный характер. Изменение способов философского анализа означает замену эпистемологии в качестве главной философской дисциплины «логикой», притом, что под последней понимается не только то, что традиционно обозначается данным словом, но и – что принципиально – философия языка, постепенно, в особенности благодаря исследованиям в рамках аналитической философии, утверждается понимание того, что только с помощью анализа языка можно анализировать мышление, а это, в свою очередь, с необходимостью требует эксплицировать имплицитно усваиваемые нами правила употребления языка. Логицистская стратегия философского анализа делает одной из основных своих проблем – вопрос об отношении структур мысли к тому, что мыслится, поскольку понимание познавательных способностей и онтологических структур ставится в зависимость от форм мышления, выделенных в процессе логического анализа форм представления знания. Установление зависимости онтологических представлений от логической структуры указывает на то, что избранный способ формализации затрагивает не только структуру мысли, но и нечто говорит о мире, и, соответственно, это позволяет сделать утверждение, согласно которому способы построения онтологий, базировавшиеся на том, как традиционная логика представляла структуру суждения, не являются единственными, а представляют собой лишь один из возможных вариантов. Таким образом, логицизму удастся показать, что онтологию можно рассматривать как следствие определенной формально-логической доктрины, а поскольку выявление структуры мысли задает структуру мыслимого, то в этом отношении формальная логика приобретает трансцендентальное содержание. В качест-

ве своего естественного следствия логицизм влечет методологический и онтологический плюрализм, согласно которому некоторые истинные утверждения и правильные представления вполне могут вступать друг с другом в противоречие, не теряя при этом своей истинности и правильности, а это, соответственно, обеспечивает все необходимые основания для систематической аргументации в пользу номиналистского утверждения, согласно которому действительных миров должно быть больше одного и наш универсум состоит скорее из способов описания мира, чем из самого этого мира или миров, что означает невозможность проведения никакого ясного и устойчивого общего различия между содержанием и способом дискурса, в связи с чем адекватность способа описания никоим образом не может быть вопросом истинности, поскольку любое утверждение истинно, а описание или представление правильно, для того мира, которому оно соответствует, то есть наличие нескольких конфликтующих версий мира не отменяет и не уменьшает их истинностного значения для разных «концептуальных схем», хотя аналогичным образом признание относительности и истинности языкового выражения, тем не менее, не отрицает необходимости выявления четких критериев его правильности, в качестве которых могут выступать критерии адекватности правилам конструктивной системы. Все это, в свою очередь, означает, что признание конвенциональности значения не подразумевает с необходимостью признание его произвольности. Онтологический плюрализм, подразумевающий то, что любой предмет может быть категоризован с одинаковым успехом многими способами, которые отличаются по существу в онтологическом наполнении и являются в этих систематизациях взаимно несовместимыми, а также невозможность осуществления завершенной сущностной категоризации мира, поскольку из-за множественности версий мира в различных знаковых системах бесполезно искать полное описание действительности, и, наконец, онтологический релятивизм, который заключается в том, что онтологические предложения имеют истинностное значение только относительно «истолкования» или «трактовки» объектов, мира или действительности, то есть указание на «мир» имеет смысл только в том случае, если оно соотносится с какой-то системой описания, – повлекли за собой возникновение и утверждение в философии антифундаменталистской позиции, согласно которой реальность всегда открыта для различных точек зрения, то есть, любая ситуация обычно допускает множество разных описаний, и в принципе разнообразие форм наших описаний не ограничено сверху, так как нет никаких способов, которые позволяли бы делать окончательный выбор между конкурирующими описаниями и объявлять одно из них более «истинным», то есть соответствующим природе реальности, чем другое.

В параграфе – §2. «*Δόξα как специальный предмет логико-философского исследования*», – отмечается, что доксология, разделяя классические лингвофилософские положения, согласно которым целью любого логико-семиотического исследования является анализ структуры мысли, предполагающий четкое понимание того, что изучение мысли следует четко отличать от изучения психологического процесса мышления, при этом в качестве единственно правильного метода признается последовательный анализ языка, ориентируется на принципы трансцендентализма, в частности, на то, что нельзя надеяться на познание чего-либо вне того способа, которым это дано, а, следовательно, при исследовании доксоморфного дискурса необходимо, прежде всего, анализировать его логическую форму. Таким образом, доксология не должна рассматриваться в качестве очередной психолингвистической гипотезы о сущности мышления и функциях сознания, так как основную цель систематической теории значения должен составлять лишь анализ формальных аспектов дискурса, к которым сводится владение языком, то есть непосредственно сам процесс понимания слов и выражений.

При этом одной из важнейших задач доксологии является создание альтернативы по отношению к традиционным теориям значения, для которых определяющим является фундаменталистски истолкованное понятие истины. Как следствие, доксология, рассматривая основания двух наиболее распространенных стратегий исследования структур значения: во-первых, «статичной» трактовки значения как отдельных объектов либо материальных, либо психических, либо объективно-идеальных, обозначаемых словами или словосочетаниями, и, во-вторых, «динамической» трактовки, согласно которой значение осознается в качестве важнейшей черты языка-деятельности, или языка-практики, и которая, соответственно, в принципе не допускает никакой субстанциализации, «овеществления» или реизации значения, отмечает, что в ситуации, когда язык перестает рассматриваться в качестве пассивного регистратора фактического содержания или структуры реальности и включается в непосредственное практическое взаимодействие с ней, то и значение становится неотъемлемой чертой подобного взаимодействия, иными словами, значение становится функциональным, что, безусловно, заметно усложняет его концептуальное отношение к такой традиционно изучаемой эпистемологией характеристике познавательного процесса, как истина. При этом среди многочисленных положений формальной семантики, разделяемых доксологией как учением о знаковом мышлении и дискурсивной деятельности, следует особо выделить то, согласно которому оказывается возможным предположение о том, что сама по себе «истинность» есть следствие дефляционной способности языка, то есть «истинность» есть

такое свойство языковых выражений, которое отнюдь не отсылает нас к предмету или состоянию дел.

В целом, доксология предлагает трактовать язык через призму его познавательных форм, которые имеют определяющее значение для свойств дискурса и среди которых системообразующими являются две: номотетико-дедуктивная форма аргументации, или теория, как основная познавательная форма научного дискурса, и доксоморфная форма аргументации, или мнение, являющаяся основной познавательной формой для повествовательных структур, артикулируемых в теле нормального языка. При этом современной эпистемологии, решающей проблему обоснования знания, присуще явное или неявное стремление принижать различие между номотетико-дедуктивной формой аргументации, которая выражается, как правило, в терминах индивидуальных предложений относительно мира, и логической формой доксоморфного дискурса, которая интегрирует все содержащиеся в ней индивидуальные предложения в единое целое – доксу. Следует понимать то, что доксоморфный дискурс не отвечает указанным необходимым формальным требованиям, предъявляемым к номотетико-дедуктивной форме аргументации, поскольку, во-первых, одной из наиболее характерных особенностей таких конечных осмысленных множеств высказываний, как докса, является то, что без детального логико-семиотического анализа, оказывается, невозможно провести в них четкое отличие между теми элементами, которые действительно относятся к миру, то есть содержат референцию, и теми элементами, которые только приписывают ему определенные черты без точной референции к ним, иными словами, никакой очевидной границы между ними нет, и можно даже продемонстрировать, что референтные элементы полностью совпадают с тем, что только приписано подразумеваемому объекту референции – «мнимому» предмету. По сути, если в номотетико-дедуктивной форме аргументации, как некотором данном множестве высказываний, единство и системность обеспечивают правила логического вывода, организующие это множество в дедуктивную систему, то, соответственно, единство и осмысленность нашему доксоморфному дискурсу, оформленному в виде конечных осмысленных множеств высказываний – докс – придает имплицитно содержащийся в них особый логический элемент – «точка зрения». Именно описание мира, исходя из вполне определенной «точки зрения», и разрешает говорить о связанности, единстве и осмысленности доксоморфного дискурса, не позволяя распадаться ему на совокупность отдельных и атомизированных единиц – предложений, так как в этом случае наше описание мира оказалось бы простой описью содержания наших ощущений, выражаемых ничем между собой не связанными, то есть единичными, и, возможно, даже истинностными высказываниями.

В параграфе – §3. «Доксология – исследовательские интенции: пролегомены к логико-семиотическому учению о знаковом мышлении и дискурсивной деятельности», – указывается на то, что если предметом исследования для доксологии являются способы и принципы означивающей деятельности в дискурсе, опосредованном логической формой мнения, то она должна стремиться выявлять и анализировать строение и взаимные сочетания таких дискурсов, которые находятся в процессе самосозидания, или саморефлексии, поскольку мнение есть то место, где язык рефлексивен о себе самом, проставляя собственные границы, а заодно и границы знакового мышления. При этом доксоморфный дискурс представляет собой такой способ деятельности, который хотя и следует изучать в контексте знаковых систем, в частности, нормального языка, но при этом его нельзя смешивать с областью денотируемого смысла или коммуницирующего сознания, поскольку если для лингвистики язык – это система знаков, то для доксологии, язык – это обезличенное место – *τοπος* – мысли, где следует учитывать сам способ, каким перераспределяется знаковая система, а именно логическую форму – *δοξα*, которая детерминирует артикулируемый дискурс и которая есть особая означивающая функция, которая не репрезентирует какую-либо «сущность» или означиваемое, а которая маркирует множественное и случайное распределение бесконечности означивания в теле нормального языка и пространстве знакового мышления, локализуя и индивидуализируя один из возможных способов употребления знаковых структур. Иными словами, доксоморфный дискурс ограничивается одним только преобразованием знаковой системы, обнаруживая тем самым не что иное, как место – *τοπος* – производства смысла, предшествующего самому смыслу, то есть *первичную систему дескрипции и референции* – мнение. Тем самым становится понятным то, что любого рода доксоморфное употребление языка – это освоение и выявление потенциалов, заложенных в языке, творческая деятельность, с помощью которой субъект-доксогент освобождается от давления целого ряда языковых и психических схем. Таким образом, акт означивания, взятый в контексте доксоморфного употребления языка, представляет собой творческий языковой процесс, в рамках которого следует различать два компонента: артикуляцию некоторого вполне определенного конечного множества знаков и супрасегментарную функцию, которая собирает данное множество в целое, придавая ему тем самым осмысленность и наделяя значением, и является своего рода субъектом, занимающим определенную позицию ради презентации акта самого означивания, маркирующим один из возможных способов означивания в нормальном языке, но в то же время не располагающегося ни в одном из знаков множества в отдельности, а распределенного по всему означивающему комплексу – доксе.

Мнение, имплицитно содержа способ означивания, тем не менее ничего не «изображает» и ничем не денотируется, в нем не найти ничего такого, что было бы внеположено артикулирующему его дискурсу, что было бы независимо от доксы – некоторого вполне определенного конечного множества высказываний, – удостоверяющей и сертифицирующей значение любого из знаков, используемых доксоморфным дискурсом, именно поэтому предметом анализа для доксологии становится соотносительность знаков внутри артикулирующего их дискурса. Таким образом, мнение – это особая семиотическая практика, преимущество которой заключается в том, что в ней отчетливее, чем в прочих семиотических практиках фиксируются проблемы смыслопроизводства, являющиеся предметом анализа доксологии, поскольку доксоморфный дискурс рассматривается в контексте его несводимости к объекту нормативной лингвистики – к кодифицированному грамматикой денотативному знаку.

В целом, такая особая познавательная форма, как мнение, препятствует однозначному и догматическому отождествлению языка с системой, коммуницирующей смысл, элиминируя коммуникативную поверхность языка, мнение оказывается таким означивающим комплексом, который позволяет снять линейную понятийную механику, интерпретируя структуру реальности, как структуру, не сводимую к одному-единственному смыслу. Все это делает понятным, что мнение представляет собой сложный вид дискурсивной практики, способы которой и должна помочь уяснить особая теория специфического акта означивания, осуществляемого через повествовательные структуры нормального языка – доксология, которая устремляется к определению своего предмета как знаковой системы особого типа, маркирующей различные способы означивания в повествовательных структурах нормального языка, не подчиняя их при этом коммуникативному и денотативному детерминизму, предпринимая исследования доксоморфного дискурса, в контексте их параграмматического употребления.

Соответственно, доксология в качестве принципиальной своей цели делает создание формального метода исследования, позволяющего корректно и адекватно анализировать специфику такой саморефлексирующей знаковой системы, как нормальный язык. Формальные модели и операциональные понятия для подобной процедуры исследования могут предоставить семиотика, логика, лингвистика и математика, тем самым предлагая определенную формализацию, но и не сводясь к ней, а используя ее лишь операционально, то есть формулируя принципы того или иного типа означивания, доксология представляет собой логико-семиотический дискурс, предпринимая попытку понять через язык то, что чуждо языковым системам, взятым лишь в коммуникативном или денотативном аспекте, интегрируя

все свои построения в создание нового проекта гносеологии, поскольку, действительно, мнение как познавательная форма представляет собой именно то, что невозможно помыслить в целостной понятийной системе, лежащей в основании современной лингвофилософии, так как именно в рамках мнения и очерчиваются границы языка как системы способов означивания, поэтому доксология, не заблокированная такими концепциями познавательной деятельности, в которых мнение игнорируется как специфический вид дискурсивной и познавательной практики, дает возможность трансформировать семиотическую теорию означивания и логическую теорию значения в гносеологию – учение о правилосообразной означивающей деятельности, поскольку «правильно» означить и есть познать⁷.

Во второй главе – **«Δόξα: логико-семиотический анализ»**, проводится анализ и описание семантических, синтаксических и модальных аспектов доксоморфного дискурса. При этом приверженность номинализму как инструменту анализа различных измерений доксоморфного дискурса – онтологического, эпистемологического, этического, эстетического и формального – обуславливает принципиальную несхожесть предлагаемого в диссертационном исследовании взгляда с позициями других течений и направлений, представленных в современной философии языка, в частности, на то, как следует отличать факт и вымысел, описание и объяснение, текст и контекст. По-сути, доксология – это теоретическое объяснение доксоморфного, то есть обладающего «фикционалистскими», или вымышленными свойствами, дискурса, содержащее анализ всех способов, какими различные «точки зрения» создают типы образов и связи между ними, способные служить знаками такой реальности, которую, соответственно, в целях ее конституирования можно лишь вообразить, а не воспринять непосредственно. Особо подчеркивается, что дискурсивные связи между элементами содержания докс не являются логическими связями или дедуктивными соединениями одного с другим, они метафоричны, то есть, основаны на поэтических техниках замещения, символизации, пересмотра, интерпретации и ре-интерпретации, и именно поэтому любое исследование некоторого вполне конкретного мнения, игнорирующее его доксоморфную структуру, обречено на неудачу в том смысле, что в его рамках невозможно понять, почему данный дискурс «имеет смысл» вопреки, во-первых, фактическим неточностям, которые он может содержать, и, во-вторых, логическим противоречиям, которые могут ослаблять его доказательства, а это означает, что отношения между предметом доксы – «мнимым», образованным для обеспечения единства доксоморфного дискурса, и

---

⁷ Отсюда становится вполне понятным положение, согласно которому когнитивные процессы и процедуры означивания тесно связаны между собой, поскольку «...знак не ожидает пассивно прихода того, кто может его познать: он всегда конституируется только посредством акта познания». См.: Фуко М. Слова и вещи: Археология гуманитарных наук. – М., 1977. – С.109.

какими бы то ни было формальными доказательствами, выдвигаемыми для объяснения его природы, состоят в комбинации логико-семантических и тропологически-фигуративных компонентов доксоморфного дискурса.

В параграфе – §1. «Принципы и структура доксы», – анализируются логико-семиотические основания и структуры такой особой познавательной формы, как мнение. При этом мнение понимается как вербальная структура в форме обыденного, то есть повествовательно прозаического, историографического, художественного, философского или любого другого доксоморфного по характеру дискурса, предназначенная быть моделью или знаком структур и процессов мира или фрагмента реальности в интересах объяснения, чем они являются, посредством предоставления способа их описания, в то время как *δόξα* – это логическая форма мнения, или доксоморфного дискурса, представляющая из себя осмысленное конечное множество высказываний, теряющих в рамках этого множества свою автономность, которое индивидуализирует определенную «точку зрения» на мир и обладает определенной степенью правдоподобия, именно так понимаемые особые свойства доксы не оставляют ни одной возможности редуцировать мнение либо к предложениям, либо к выраженным посредством них высказываниям, что вынуждает отвергнуть линейно-лингвистическую, структурно-лингвистическую, а также формально-логическую стратегии анализа, как редуccionистские и не позволяющие адекватно и корректно раскрыть природу доксоморфного дискурса. Таким образом, необходимо отметить, что термины *мнение* и *докса*, предполагают четкое коннотативное различие, которое заключается в том, что когда употребляется термин *докса*, то речь идет о логической форме мнения, которое, как особая познавательная форма, является инструментом для создания определенного «образа» или «картины» мира, то есть представления особой, уникальной интерпретации мира или фрагмента реальности, посредством предоставления способа ее описания – «точки зрения», соответственно, мнение – это термин, обозначающий суть некоторого уникального взгляда на мир предлагаемого той или иной доксой, то есть мнение – это мыслимое содержание некоторого вполне конкретного осмысленного конечного множества высказываний, или доксы, а *докса* – это логическая форма любого мнения. Исходя из этого, единственной нередуccionистской стратегией анализа является номинализм, который предлагает рассматривать доксу не как совокупность отдельных предложений или высказываний, а как единый ансамбль высказываний, демонстрирующий одновременно все свои элементы, а также порядок, которому они подчиняются, так как согласно номинализму любое мнение является уникальным и индивидуальным, что, как следствие, не позволяет однозначно сформулировать набор дедуктивных правил, которые бы объясняли и регулировали

процесс создания вполне конкретных мнений, тем не менее, оказывается возможным найти и сформулировать трансцендентальные условия для любого мнения, как особой познавательной формы.

В параграфе – §2. «Правила перевода» и предмет доксы – «мнимое»: критика доктрины эпистемологического фатализма», – аргументируется утверждение о том, что не существует никаких «правил перевода» внеязыковой реальности в доксе, регулирующих отношения между миром и любой его доксоморфной репрезентацией в некотором множестве высказываний, поскольку мир как таковой не содержит в себе доксоморфной или родственной ей структуры – доксоморфные структуры появляются только в доксе, и, как следствие, мир не навязывает нам конкретных способов, какими он должен быть представлен в том или ином мнении. Иными словами, докса не производит отбора – тем или иным способом, известным и признанным всеми – некоторого вполне определенного набора аспектов своего предмета – «мнимого», относительно которых были бы согласны все доксогенты и которые впоследствии можно было бы проверить при установлении истинности данной доксы. При этом трансцендентальное условие возможности существования нескольких разных по содержанию мнений о некотором «мнимом» предмете, имеющим общее для всех этих мнений имя, состоит в том, что этот «мнимый» предмет не содержит в себе никакой объективно присутствующей в нем «сущности» или родственной ей ингерентной структуры. Собственно, предмет доксы – «мнимое», является не действительным, а лишь возможным предметом, а это означает, что предмет доксы – «мнимое» взятый сам по себе есть необходимая функция доксоморфного дискурса, обеспечивающая его единство, но не представляющая никакого предмета, а только лишь его возможность. Докса, обозначает свой предмет – «мнимое» – посредством таких особых терминов или понятий как доксомы, которые по своим свойствам и функциям отличаются от теоретических понятий, являясь по своей сути принципиально омонимичными и создавая условия для неустранимой смысловой множественности, что, в свою очередь, является основанием отсутствия устойчивого соответствия между доксой и миром, то есть отсутствия критериев истинности для таких осмысленных конечных множеств высказываний как докса. По-сути, отстаиваемый доксологией лингвистический прагматизм, рассматривающий язык как орудие, а не средство репрезентации, отказывается, как и от референциальной теории значения, так и от корреспондентной теории истины, – отказывается в пользу теории значения как употребления, согласно которой, значение любых философских или научных понятий «привязывается» к прагматике их использования, делается зависимым не от указания на объект, а от роли в контексте и специфики употребления в рамках дескриптивной системы. В целом, именно та-

кая функциональная трактовка «значения как употребления» разделяемая доксологией, для которой множество контекстов и разнообразие практических задач, стоящих перед доксогентом, обуславливают и принципиальную множественность значений, позволяет утверждать, что, по сути, все формальные теории значения вырастают из веры в то, что все языки обязательно являются системами с четкой структурой. Однако подобного рода основания никак не соответствуют базовым принципам доксологии, которая в этом отношении склоняется к позиции Витгенштейна, утверждавшего наличие внутренней связи между объяснением слова и его употреблением, ведь особую угрозу для формальной семантики «условий истинности» представляют именно такие осмысленные конечные множества контекстуально-зависимых предложений как мнения, являющиеся преобладающей познавательной формой в нашей языковой практике, и особенно в нашем повседневном дискурсе, и, соответственно, детальный анализ свойств и специфики подобных множеств предложений демонстрирует необязательность связи того, что имеет значение, с тем, что истинно и ложно.

В параграфе – §3. *«Метафора: основание и функции «точки зрения» в доксе»*, – предметом анализа становится тот факт, что высказывания в доксе выполняют двойную функцию: описывают мир, приписывая определенные свойства тем вещам, которые обозначаются именами собственными доксоморфных субъектов – доксами – этих высказываний, и индивидуализируют определенную «точку зрения», создавая «образ» или «картину» мира, предлагая некоторый «метафорический» взгляд на него, – и именно то, что высказывания в доксе одновременно выполняют обе эти функции – дескриптивную и индивидуализирующую – является одной из основных причин отсутствия устойчивости в отношениях между таким осмысленным конечным множеством высказываний как докса, с одной стороны, и миром, с другой. По-сути, описательные высказывания могут вносить вклад в индивидуализацию неограниченного числа «точек зрения», поскольку они не имеют собственных доксоморфных пределов, которые появляются лишь тогда, когда доксогент предоставляет некоторую «точку зрения», а описательные высказывания становятся аргументами в ее пользу, однако при этом высказывания в рамках доксы никогда не становятся чем-то большим по сравнению аргументами и их не следует отождествлять с самими «точками зрения», хотя и выраженных вполне определенными ансамблями или совокупностями высказываний, но обладающими, подобно метафорам, свойством быть тем, о чем идет речь в высказываниях, включенных в данные ансамбли или совокупности, не являясь при этом частью самих этих высказываний, и, соответственно, только имя собственное некоторой «точки зрения» может быть частью высказывания о ней. Взятые по отдельности описатель-

ные высказывания в доксе могут указывать во всех мыслимых направлениях, и только «точка зрения» задает им определенное «доксоморфное направление», хотя, соответственно, сама «точка зрения» возникает лишь благодаря этим описательным высказываниям. Основная функция «точки зрения», имплицитно содержащейся в любой доксе, состоит в том, чтобы указывать какие высказывания о предмете доксы – «мнимом», следует предпочитать другим, и, как следствие, «точки зрения» могут придавать «облик» или «структуру» относительно большим фрагментам реальности, но, разумеется, этот «облик» или «структуру» никогда не следует относить к самой реальности, поскольку отдавать предпочтение определенному виду высказываний о мире не значит утверждать что-то о природе реальности, иными словами, предлагаемые «точками зрения» способы описания мира никогда не включаются в строение самой реальности, а являются трансцендентальными условиями возможности самого описания. «Точка зрения», имплицитно содержащаяся в доксе, является аналитической по форме, то есть содержит все свои свойства с необходимостью, но в то же время, синтетична по содержанию, так как, следуя тому, к чему побуждает нас метафорическое выражение, формулирующее «точку зрения», можно получать больше информации о мире, чем ее содержится в описательном содержании этого метафорического высказывания, поскольку из него невозможно напрямую вывести высказывания о тех свойствах, которые приписываются его субъекту, иными словами, доксоморфное значение некоторого высказывания в рамках такого осмысленного конечного множества как докса, может быть шире, чем дескриптивное значение его описательного содержания, а это оказывается возможным именно благодаря тому обстоятельству, что метафорическое выражение, формулирующее вполне определенную «точку зрения» точно не устанавливает, что будет – если принять данную «точку зрения» – исходя из нее видно. Необходимо отметить, что предметы докс – «мнимое» – объясняются не как таковые, а всегда в том описании, которое им было дано, а это означает, что посредством мнения, мы не познаем из фактических вещей ничего, чего бы мы прежде не предопределили им имплицитно содержащейся в нем «точкой зрения», которые, соответственно, имеют свою онтологическую привязку не в вещах, существующих отдельно от них во внеязыковой реальности, как в случае компонентов высказывания – субъекта и предиката, но единственно и исключительно в себе самих, то есть, по сути, «точки зрения» не могут быть использованы для выражения каких-либо истинных высказываний о других вещах. Таким образом, «точки зрения», но не их имена собственные, имеют особенный самореференциальный характер, который заключается в том, что все поглощаемые ими высказывания указывают в их сторону, в то время

как сами «точки зрения», но не их имена, не указывают ни на что за своими пределами.

В параграфе – §4. «"Доксогенез" в аспекте творчества: анализ пространства интеллектуального внимания и системы "мнение/со-мнение"», – утверждается, что не существует такого определения понятия *supredoха* – ни в дескриптивистской, ни в эссенциалистской его трактовках, разделяющих редукционистское требование сведения всего многообразия мнений о некотором предмете к одному-единственному «идеальному» – которое бы не приводило к неразрешимым противоречиям, и, следовательно, это понятие необходимо отвергнуть как неприемлемое, что, соответственно, означает признание принципа «аподиктичности "сомнения"», согласно которому существование «со-мнения» не проблематично, а аподиктично, поскольку доксоморфный, или интерпретативный, способ понимания мира или фрагмента реальности может быть осуществлен только при наличии множества разных мнений, поскольку они позволяют взаимно определять имплицитно содержащиеся в них «точки зрения», и, соответственно, максимальная ясность в процессе доксоморфного дискурса может быть достигнута исключительно в условиях множественности мнений, или доксоморфных интерпретаций, но никак не посредством редукции всего их разнообразия к одному-единственному. Таким образом, «доксогенез», или механизм создания и выдвижения нового мнения, находится под влиянием эффекта «доксогенного давления», что, в свою очередь, дает все необходимые основания для аргументации в пользу идеи, согласно которой, если значение некоторого мнения – это его употребление в процессе доксоморфного дискурса, или в целом доксоморфного использования языка, то, соответственно, утверждение о том, что некоторые осмысленные конечные множества высказываний, выражаемые вполне конкретными совокупностями предложений, получают свое значение отчасти благодаря тем условиям, или контексту, при которых они создаются и выдвигаются, позволяет вполне естественно заключить, что те «сомнения», которые составляют непосредственное окружение некоторого мнения, имея общий с ним «мнимый» предмет, образуют, по крайней мере, часть этого контекста. При этом не следует понимать «доксогенное давление», возникающее в ситуации, когда о некотором «мнимом» предмете имеется определенное число альтернативных мнений – «со-мнений», как причину возникновения нового мнения, мыслимое содержание которого, является лишь простым следствием содержаний уже имеющихся «со-мнений». «Доксогенное давление» устанавливает для доксогента лишь контекст, который принимается им во внимание при создании и выдвижении своего собственного мнения о некотором предмете, но никогда не непосредственно само содержание нового мнения, а это означает существование прин-

ципа «содержательной автономии доксы», согласно которому мнения не произвольны, но, в то же самое время, и не необходимы. Иными словами, любое мнение может возникнуть только путем творения, которое представляет собою такой переход от возможности к действительности, где действительное есть нечто совершенно новое по отношению к возможному, и, соответственно, трансцендентальными условиями творчества являются, во-первых, трансцендентальная идея свободы, или самопорождаемость, без которой оказывается не возможен переход от бесконечного к конечному, то есть переход от мира или фрагмента реальности к мнению о нем, и, во-вторых, отсутствие сущности или иной родственной ей ингерентной структуры у предмета творческого акта, поскольку любой творческий акт – это всегда есть нечто из ничего.

В *третьей главе «Δόξα: прагматика»* предпринимается попытка адекватной интерпретации понятия «условия истинности» относительно такой особой познавательной формы как мнение. «Условия истинности» принято связывать с известным утверждением, в соответствии с которым значение предложения есть метод его верификации, что, тем не менее, отнюдь не исключает возможность различных способов употребления предложений. По сути дела, данное утверждение, означает лишь то, что имеются некоторые общие средства выведения конкретных особенностей использования предложения из какой-либо одной характеристики, так что знание этой характеристики и есть то знание, которое необходимо говорящему для постижения смысла предложения, именно в этом случае знать смысл предложения – это знать условия его истинности, или, что то же самое, метод его верификации, и хотя не существует всеобщего и безошибочного критерия для признания истинности того или иного предложения, тем не менее, можно ввести достаточно четкий критерий для признания говорящим выполнения того условия, которое устанавливает любое данное предложение как истинное, и тогда знание говорящим условия истинности предложения будет заключаться в овладении им некоторой разрешающей процедурой, то есть в его способности при благоприятных обстоятельствах осуществлять эту процедуру и, в конце концов продемонстрировать свое понимание того, имеется ли необходимое условие или нет, хотя в то же самое время, необходимо отметить, что в естественном языке встречается множество предложений, для которых не существует эффективной процедуры определения того, выполнены или нет их условия истинности. Вследствие этого в понятии истины оказывается изначально заложен конфликт между семантическими и прагматическими признаками, поскольку истина обычно трактуется как «объективное» свойство, не зависящее от имеющегося у него определенного «фонового» значения или личностных мотивов произнесения речи, хотя, по сути, такого рода понимание «условий истинности»

возникло из понятий «правильности» или «неправильности» лингвистического акта утверждения, связанного с конкретной языковой практикой, иными словами, принцип соответствия утверждений определенным компонентам реальности представляет собой лишь один аспект общей теории истины, причем он играет в основном регулятивную роль.

В параграфе – §1. «Об истинностном значении доксы», – анализируется идея, согласно которой, несмотря на то, что любая докса состоит из некоторого конечного множества высказываний, которые сами по себе могут являться либо истинными, либо ложными, тем не менее, истинность доксы взятой как целое не является функцией от истинности составляющих ее высказываний, так как доксу нельзя рассматривать в качестве простой конъюнкции высказываний. Представление о доксе как конъюнкции высказываний принципиально лишает смысла любую прагматику доксы – призванную найти и обосновать такой критерий, который позволял бы корректно и адекватно проводить сравнительную оценку мнений, выражаемых посредством тех или иных осмысленных конечных множеств высказываний – поскольку в этом случае полностью отрицается возможности выбора между двумя и более мнениями, которые в соответствии с этим представлением должны будут оцениваться либо как безусловно ложные, в том случае если хотя бы одно из входящих в эти мнения высказываний ложно, и, соответственно, в равной степени неприемлемые, либо, в том случае когда истинность сравниваемых конъюнкции окажется достоверно установлена, тем не менее, останется не понятным какую из наличных «истин», предлагаемых разными мнениями, следует предпочесть. Не позволяет корректно и адекватно решить вопрос об «истинности доксы» и более «гибкий» подход, предлагающий ввести в процедуру оценки допущения, согласно которым, во-первых, существуют степени истинности, выражающее процентное содержание в некотором конечном множестве высказываний, обладающих истинностным значением, и, во-вторых, все высказывания, составляющие некоторое данное множество, или доксу, следует оценивать по степени важности сообщаемого в них, – все это означает, что докса должна рассматриваться как истинная, если она сообщает обо всем или почти обо всем, что является важным для правильного понимания ее предмета, иными словами, под «истинностью доксы» следует понимать то, что эта докса сообщает нам некоторую «значимую истину» о своем предмете. Тем не менее, оба эти допущения приходят в противоречие, если их попытаться применить к такому осмысленному конечному множеству высказываний как докса, поскольку для того чтобы признать некоторую истину, содержащуюся в доксе о некотором предмете, за «значимую» по отношению к данному предмету, необходимо чтобы сама эта истина имела такой характер, когда относительно ее

мы не можем заведомо знать, является ли она значимой для понимания данного предмета или нет, а это означает, что «гибкий» подход к определению понятия «истинность доксы» должен быть отвергнут, как противоречивый. Соответственно, взятая сама по себе истинность или ложность составляющих доксу высказываний не является ни достаточным, ни необходимым условием ее истинности, как следствие, выбрать наиболее успешную интерпретацию предмета доксы – «мнимого» – возможно лишь сравнивая ее содержание с другими наличными интерпретациями этого же предмета, и, соответственно, не предмет доксы – «мнимое», а другие наличные мнения – «со-мнения» – являются окончательным критерием для оценки какой-либо конкретной доксы.

Следует отметить, что в отношении к доксе нельзя провести различия, аналогичного различию между высказыванием и предложением. Докса имеет определенное сходство с высказываниями, но никак не с предложениями, так как она не может отсылать к различным историческим положениям дел, а это означает, что доксу совершенно невозможно использовать для характеристики определенного класса положений дел или ситуаций, то есть докса всегда описывает только одно конкретное положение дел или одну конкретную историческую ситуацию. Доксогент, или человек, выдвигающий мнение о некотором предмете, решает проблему способа описания мира посредством индивидуализации некоторой своей «точки зрения» на мир, а это, соответственно, означает, что «несовместимыми» могут быть лишь предметы докс – «мнимое», которые доксы, как способы описания мира предлагают, нам видеть посредством имплицитно содержащихся в них «точек зрения», и, как следствие, сами доксы или предлагаемые ими «точки зрения» не могут находиться в отношениях «несовместимости», иными словами, «несовместимыми» могут являться лишь следствия, проистекающие из нашего согласия или не согласия с предлагаемым той или иной доксой «точкой зрения». Контекст, в котором обычно употребляется понятие «несовместимый», в ситуации, когда речь идет о двух и более разных доксах, указывает только лишь на то, что данное отношение между этими доксами находится в плоскости морального воздействия, которое они оказывают на человека, и, соответственно, мнение в отличие от простых констатирующих и эмоционально нейтральных высказываний призвано оказать подобного рода воздействие, объясняя тем самым наличие в любой доксе эристических элементов.

В параграфе – §2. *«Логика матриц и анализ повествовательных структур нормального языка, опосредованных логической формой мнения»*, – анализу подвергается положение о том, что мнение, или доксоморфный дискурс, следует интерпретировать как семиотический, или синтактико-семантический процесс, реали-

зующийся в различных видах означивающих практик, которые осуществляются через язык, но не сводятся к его категориям, поскольку, хотя они и располагаются в языке, их отношение к языку носит перераспределительный, или деструктивно-конструктивный, характер. При этом взятый в топологической перспективе доксоморфный дискурс описывается некоторым конечным осмысленным множеством предложений – доксо́й, имплицитно содержащей организующую данное множество операцию – «точку зрения», индивидуализирующую ту перспективу, исходя из которой следует анализировать или рассматривать некоторый предмет мнения – «мнимое», – и которая является своего рода логической аппликацией, или супрасегментарной функцией, собирающей множество в целое, части которого более неразличимы. Супрасегментарная функция, выполняемая «точкой зрения», рассматриваемая как своего рода означивающий дифференциал, а точнее маркер бесконечности актуальных означающих, которому не находится места в ряду знаков, налично составляющих то или иное множество – доксу, предполагает, что ни один знак не может занять его место, то есть означивающий дифференциал, или «точка зрения», находит свое место в пространстве потенциально бесконечного исчисляющего – нормальном языке, в котором находится и сами тела знаков, но в качестве ограниченного подмножества, а не как исходная и основная данность мысли, а это предполагает, что распространение конкретной функции означивания по всему означающему – доксе.

Принимая во внимание специфическую природу доксоморфного дискурса, доксология предлагает проект логики матриц, который призван стать инструментом, обеспечивающим операции над истинностным значением таких референциально непрозрачных повествовательных структур нормального языка, как мнения, иными словами, логика матриц является системой исчисления истинностного значения конечных и вполне упорядоченных множеств высказываний, взятых как целое и имеющих форму доксоморфной аргументации, это предполагает, что матричная система исчисления, в контексте выявленной специфики структуры и принципов доксоморфной формы аргументации, будет производить операции над любыми типами конечных и вполне упорядоченных множеств, истинностное значение которых берется и анализируется как целое, при этом сами процедуры и операции логики высказываний меняют свое значение и приобретают иной характер по сравнению как с классическими, так и не классическими системами исчислений.

Логика матриц, рассматриваемая как проект логического исчисления истинностного значения доксоморфного дискурса взятого как целое, есть особого рода интенциональная четырехзначная авалентная логика, где истинность является конструктивно определяемым значением, а, соответственно, равноправность и взаимная

независимость 'тривиальной истины', 'тривиальной лжи', 'нетривиальной истины' и 'нетривиальной лжи' является одним из фундаментальных положений, на которое опирается предлагаемый логикой матриц формализм. При этом как классические, так и неклассические модели исчислений двузначной бивалентной логики высказываний являются квази-гомоморфными системами матричной логики высказываний, поскольку их преимущественный интерес направлен прежде всего на поиск выполнимых операций над изолированным истинностным значением высказываний, образующих в соответствии с некоторыми принципами систему, при абсолютном неразличении между собой таких истинностных значений, как 'тривиальные' и 'нетривиальные' истина и ложь, что, как следствие, приводит к возникновению многочисленных парадоксов и отсутствию эффективных систем исчисления и операций над дискурсивно артикулированными структурами нормального языка.

Необходимо отметить, что мнение как особый означивающий комплекс содержит структуру, образованную множеством сцеплений, которую можно описать как сеть параграмматических связей, и именно матричная, или нелинейная, модель создания знака, взятая в контексте параграмматизма, позволяет продемонстрировать динамическую и топологическую схему, определяемую тем, что знак в доксоморфном дискурсе оказывается значащим, если он отсылает к другому знаку, но не к универсуму внеположенных ему означающих, и отличную от системы семантических и грамматических норм денотативного и коммуникативного дискурса, – где решающую роль играют отношения означающего к означаемому, – поскольку сама фикционализирующая функция доксоморфного дискурса, то есть денотация без денотата, подразумевает, что доксогент, располагая всей потенциальностью значений дискурсивных практик некоторого нормального языка L_n , избегает номологичности, придавая своему дискурсу катахрезичный характер, который собственно и лишает его речь однозначно понимаемого денотативного характера, разрушая тем самым семантическую тождественность дискурса. При этом область истинностных значений – Ξ , некоторого нормального языка L_n , которая по своей сути есть диагональ его параграмматического функционирования, позволяет сделать явной саму рефлексивную продуктивность нормального языка, определяемую как такую область значений дискурсивных практик, которая не присваивается ни одним из субъектов данного языка, и именно поэтому все значения, заключенные в указанной области, не могут быть соотнесены ни с чем, поскольку это то место – *τοπος*, где язык рефлексивен о себе самом и проставляя тем самым собственные границы, дает начало семиогенезу, согласно которому «означающее-производящее-

самого-себя», то есть мысль, начинает осознавать себя в качестве знака, образуя и фундируя необходимые основания знакового мышления.

Следует указать на то, что по своей сути диагональ параграмматического функционирования – Ξ – некоторого нормального языка L_n , где происходит исчезновение субъекта языка, является по сути транс-логической инфра-речью, которая артикулируется в знаках, или высказываниях, образующих некоторый доксоморфный дискурс, нелинейно структурированный в виде матрицы, которая впоследствии присваиваясь некоторым субъектом-доксогентом, наделяется определенной риторической структурой, обретая собственную супрасегментарную функцию, или способ означивания, имплицитно содержащийся в данном языке, и, как следствие, ее истинностное значение, взятое как целое, оказывается принадлежащим либо области 'нетривиальная истина', либо области 'нетривиальная ложь'. Тем самым, диагональ параграмматического функционирования – Ξ – некоторого нормального языка L_n , где происходит исчезновение субъекта языка, является по сути транс-логической инфра-речью, которая артикулируется в знаках, или высказываниях, образующих некоторый доксоморфный дискурс, нелинейно структурированный в виде матрицы $\|\zeta\|$, которая впоследствии присваиваясь некоторым субъектом-доксогентом, наделяется определенной риторической структурой, обретая собственную супрасегментарную функцию, или способ означивания, имплицитно содержащийся в данном языке, и, как следствие, ее истинностное значение, взятое как целое – $|\zeta|$, оказывается принадлежащим либо области Q_T – 'нетривиальная истина', либо области Q_F – 'нетривиальная ложь'.

Таким образом, мнение как особый означивающий комплекс содержит структуру, образованную множеством сцеплений, которую можно описать как сеть параграмматических связей. Иными словами, матричная, или нелинейная, модель создания знака, взятая в контексте параграмматизма, демонстрирует динамическую и топологическую схему, определяемую тем, что знак в доксоморфном дискурсе оказывается значащим, если он отсылает к другому знаку, но не к универсуму внеположенных ему означающих.

В параграфе – §3. «"Правдоподобность" как критерий для оценки докс», – предлагается взамен терминов «истинность» и «ложность», как критериев для проведения оценки двух и более докс, имеющих некоторый общий для них предмет – «мнимое», принять фундаментальное свойство доксы – 'быть правдоподобной', которое выступает в качестве признака относительной приемлемости или адекватности докс. При этом, свойство доксы 'быть правдоподобной' нельзя понимать в абсолютном смысле, согласно которому может существовать одна и только одна

правдоподобная докса о некотором предмете, и эта правдоподобная докса должна служить критерием при установлении правдоподобности других докс, относящихся к тому же самому предмету, поскольку это означает, что, во-первых, либо существуют правила, обеспечивающие построение правдоподобной доксы в абсолютном смысле, что неверно, так как сама идея, согласно которой доксогент должен осуществлять доксоморфный «перевод» того, каким действительно является мир, исходит из в корне ошибочного допущения о существовании «правил перевода», точное и аккуратное применение которых может обеспечить правдоподобность доксы, либо, во-вторых, что существуют правила или критерии, позволяющие выделять доксу правдоподобную в абсолютном смысле, среди других докс, имеющий некоторый общий для них всех предмет – «мнимое», но также неверно, поскольку, если количество докс по тому или иному предмету может быть бесконечным, то, соответственно, всегда есть логическая возможность вслед за определенным мнением, которое первоначально было определено правдоподобным в абсолютном смысле, предложить другое, еще лучше соответствующее критериям правдоподобной доксы в абсолютном смысле.

Для определения «точки зрения», имплицитно содержащейся в доксе, а значит и для установления относительной правдоподобности доксы необходимо наличие других докс, и, соответственно, установить правдоподобность доксы, если по какому-либо предмету имеется только одно мнение, оказывается невозможно, а, следовательно, именно наличие каждой «точки зрения», являясь необходимым условием специфичного характера любой другой «точки зрения», позволяет устанавливать относительную правдоподобность мнений. При этом, утверждение о том, что некоторая докса более правдоподобна, не означает простое заявление, согласно которому данное мнение дает более полный «образ» или «картину» своего предмета, чем «конкурирующие» мнения, не подкрепляя в то же время их никакой аргументацией, так как в доксе любой тезис и аргументы в его пользу неразрывны, и, соответственно, ней выводы никогда нельзя отделить от их обоснования, то это означает, что в отношении любой доксы нельзя одновременно утверждать, что, во-первых, она плохо аргументирована и, во-вторых, она обладает высокой степенью правдоподобности, поскольку эти два положения являются взаимоисключающими. Все это означает, по сути, что нет оснований требовать от доксогента, чтобы он отбросил все свои этические, политические или эстетические убеждения, в момент создания своей доксы, поскольку по отношению к любому предмету невозможна «абсолютно нейтральная», или «чисто теоретическая» перспектива, более того именно благодаря приверженности некоторой этической, политической или эстетической позиции иногда становится возможным выдвигать мнения, обладающие

высокой правдоподобностью, ведь сами «точки зрения» доксогентов, имплицитно содержащиеся в доксах и определяющие их структуру зачастую оказываются неразрывно связаны с этическими, политическими, эстетическими и иного рода ценностями, вследствие чего, многие из докс утрачивают свою внутреннюю связанность, когда из них устраняют структурирующие их те или иные системы ценностей. В целом, анализ имманентно присущего такому особому означивающему комплексу, как мнение, свойства 'быть правдоподобным' – в контексте функционирования знака в структурах языка – позволяет утверждать, что 'правдоподобие' есть риторическая и, более того, эстетическая ступень смысла, или знака как репрезентативна, поскольку доксоморфные способы означивания, в отличие от денотативных, то есть отображающих мир или его фрагменты, лишь подражают действительности, удваивая, трансформируя и конструируя ее, формируя тем самым сам эстетический эффект, в котором и заключается одно из следствий приведения к 'правдоподобию', посредством систематического соположения оппозиции артикулируемых в нормальном языке дискурсов в отношении некоторой общей для них «мнимой» предметности.

В параграфе – §4. «Опыт исчисления "правдоподобности" докс», – на основе предлагаемого взгляда на природу доксоморфного дискурса предпринимается вполне конкретный опыт исчисления правдоподобности мнений, в частности, был разработан математический аппарат, позволяющий производить количественную оценку «коэффициента правдоподобности» для исторических моделей, являющихся способами видения прошлого, или его доксоморфными интерпретациями. При этом указывается на то, что коль скоро любая историческая модель – это способ видения прошлого, или его доксоморфная интерпретация, то, соответственно, выбрать наиболее успешную «обработку» прошлого можно лишь посредством сравнения результатов некоторой модели-интерпретации прошлого с другими моделями, которые уже имеются на момент сравнения, и именно это позволяет оценивать относительную приемлемость и адекватность данных моделей – их правдоподобность.

Основой предлагаемого аппарата для исчисления «коэффициента правдоподобности» выступает идея о том, что любой предмет исторического исследования интерпретируется той или иной исторической моделью, которая носит характер доксоморфной интерпретации данного предмета и имеет определенную степень правдоподобности, выражаемую числовым значением «коэффициента правдоподобности». Для любой исторической модели имеют значение такие характеристики как, во-первых, абсолютное временное запаздывание, то есть непосредственное хронологическое отставание, предлагаемой исторической модели от предмета ее рас-

смотрения, доксоморфную интерпретацию которого она и предоставляет; во-вторых, масштаб исторической модели, или уровень исторического анализа; в-третьих, степень синтактико-семантической сложности исторической модели и, наконец, в-четвертых, количество соперничающих в пространстве интеллектуального внимания исследовательских позиций, каждая из которых является переменной, а взятые вместе они образуют между собой систему функциональных зависимостей, что позволяет составить аналитическое выражение для расчета «коэффициента правдоподобности» той или иной исторической модели.

Последовательный анализ «коэффициента правдоподобности» исторических моделей позволяет маркировать его зоны роста, располагающиеся в интервале от двух до шести конкурирующих доксоморфных описаний некоторого общего для них всех «мнимого» предмета, что находится в полном соответствии с «законом малых чисел» Коллинза. Выход за пределы данного интервала, то есть увеличение числа конкурирующих мнений свыше шести, что означает нарушение верхней границы «закона малых чисел Коллинза», вызывает резкое падение «коэффициента правдоподобности», вплоть до отрицательных величин, что равносильно возникновению ситуации хаоса и недостатка ясных мнений. При этом синтактико-семантическая сложность исторических моделей нетривиальным, то есть нелинейным образом, связана с «коэффициентом правдоподобности». Так, в ситуации, когда в пространстве интеллектуального внимания находятся только такие исторические модели, которые имеют минимальную степень синтактико-семантической сложности происходит нарушение действия «закона малых чисел», как следствие, повышение степени правдоподобности происходит в этом случае экстенсивным путем – через доксоморфное описание некоторого предмета с как можно большего числа сторон, иными словами, чем большее количество исторических моделей будет создано, тем более высокую степень правдоподобности будут иметь конкурирующие между собой мнения, в то же время, появление синтетических позиций позволяет повысить степень правдоподобности конкурирующих мнений, снизив при этом число позиций в пространстве интеллектуального внимания, что является интенсивным путем развития историографии.

Особо отмечается необходимость различения среди исторических моделей двух их типов – дискретных и континуальных, в основаниях которого лежат особенности хронологической фиксации описываемых двумя этими типами моделей исторических процессов. Дискретная историческая модель описывает такие исторические процессы, которые при доксоморфном описании оцениваются как хронологически ограниченные некоторой вполне определенной временной длительностью, соответственно, континуальная модель описывает исторические процессы неза-

вершившиеся на момент ее создания, как следствие, континуальные модели никогда не достигают таких же высоких значений «коэффициента правдоподобности», как дискретные модели, поскольку континуальные модели, в отличие от дискретных, строятся для описания еще не завершившихся исторических процессов, которые именно по причине их временной незавершенности создают серьезные трудности для своей интерпретации.

В *заключении* приводятся и анализируются основные результаты диссертационного исследования, определяются перспективы для дальнейшего развития темы исследования.

Во-первых, возможность более тесного привлечения аналитических средств формальной семантики и неклассических логик, а также использование результатов, достигнутых в рамках психологистских теорий суждения, в частности исследований артикулированных процессов суждения, то есть процессов суждения, которые можно адекватным образом выразить предложениями некоторого языка и которые в свою очередь обладают либо позитивной, либо негативной асерцией, понимаемой как момент убеждения в том, что некоторое вполне определенное предложение стоит принять или, наоборот, отбросить. Особое значение в связи с этим приобретает момент принципиального отличия процесса суждения, содержащего негативную асерцию, то есть когда человек отбрасывает некоторое вполне определенное предложение, от процесса признания отрицания данного предложения, поскольку процедура отрицания некоторого предложения в психологистских теориях суждения является иным видом асерции, чем его признание.

Во-вторых, в качестве еще одного из перспективных направлений для развития данного исследования указывается необходимость сближения философии языка и эстетики вследствие наличия тесных параллелей между предложенным пониманием имманентно присущего мнению свойства 'быть правдоподобным' и эстетикой. В этом смысле особый интерес вызывают некоторые проекты создания эстетики языка, которые по замыслу своих создателей призваны реализовать основную интенцию, связанную с синтетическим переходом в актуальных процедурах философского анализа от проблем чистой лингвистики к вопросам чистой эстетики. Иными словами, постулирование возможности синтеза лингвистики и эстетики явно или неявно влечет за собой сдвиг интереса от структурного исследования изолированного языкового образования в сторону анализа его функционирования в пространстве наличного языкового произведения, представленного для нас как эстетический объект и связанного с переживанием нами определенного эстетического опыта. Следует отметить, что данная интенция вполне отвечает интересам и основным принципам доксологии, которая, аргументируя в пользу отказа от исследования

языкового выражения лишь как факта языковой культуры, настаивает на необходимости анализа самого способа существования языкового выражения в контексте творческого акта. При этом, трактуя мнение как самообозначающий знак и рассматривая его не как множество изолированных высказываний, но как последовательно реализуемый контекст, доксология освобождает мнение от «референциального комплекса», что в свою очередь влечет постепенное проявление эстетической функции языка.

• **Основные положения исследования отражены в следующих публикациях:**

Издания ВАК

1. Мнение как познавательная форма: логико-эпистемологический анализ // Эпистемология & Философия науки. 2008. – №1. – С.209-215. (0,5 п.л.)

2. Термин «доксома» в логической структуре суждения // Вестник Российского Университета Дружбы Народов. Серия «Философия». 2008. – №1. – С.34-40. (0,4 п.л.)

3. Дескриптивизм и эссенциализм в определении понятия «supredoха» // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Серия «Социально-экономические науки и искусство». 2008. – №3 (27). – С.43-46. (0,5 п.л.)

4. Принципы и структура доксы // Вестник Томского государственного университета. – №308 (март 2008). – С.33-41. (1,15 п.л.)

5. «Точка зрения» в логической структуре мнения // Вестник Тамбовского университета. Серия «Гуманитарные науки». 2008. – Вып.4 (60). – С.94-101. (0,7 п.л.)

6. Прагматика мнения: Правдоподобность versus вероятность // Вестник Челябинского государственного университета. Научный журнал. 2008. – №.10. – Вып.5. «Философия. Социология. Культурология». – С.124-132. (0,8 п.л.)

7. Доксогенез в аспекте творчества // Вестник Челябинского государственного университета. Научный журнал. 2008. – №.11. – Вып.6. «Философия. Социология. Культурология». – С.105-115. (1,0 п.л.)

8. Логика матриц и анализ повествовательных структур нормального языка, опосредованных логической формой мнения // Вестник Тамбовского университета. Серия «Гуманитарные науки». 2008. – Вып.10 (66). – С.136-143. (1,0 п.л.)

9. Мнение в системе дискурса: логико-семиотические аспекты знакового мышления // Вестник Якутского государственного университета. 2008. – Т.5. – №3. – С.92-97. (0,5 п.л.)

10. Проблема номинализации в неклассических формах аргументации // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2009. – №97. – С.175-184. (1,0 п.л.)

Монографии

1. Δόξα в системе дискурса. – Омск: «Издатель-Полиграфист», 2006. (20,9 п.л.)

Статьи и тезисы

1. Количественные методы для поля социально-гуманитарных наук // Сборник тезисов Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2004». – М.: Изд-во Московский университет, 2004. – Т.2. – С.449-450. (0,15 п.л.)

2. О прогностической функции закона малых чисел Р.Коллинза для истории и историков // Математические структуры и моделирование, 2004. – Вып.14. – С.101-122. (1,0 п.л.)

3. «Правдоподобность» как критерий историографических оценок // Философия: история и современность. 2004-2005: Сборник научных трудов Института философии и права Объединенного института истории, филологии и философии СО РАН/Новосибирского ГУ/Омского ГУ. – Новосибирск-Омск, 2005. – С.127-152. (1,1 п.л.)

4. Социология нарратива и конституирование нарративной предметности // История идей и история общества: Материалы V Всероссийской научной конференции (Нижневартовск, 19-20 апреля 2007 года). – Нижневартовск: Изд-во НГГУ, 2007. – С.139-140. (0,2 п.л.)

5. Исторический термин: логико-эпистемологический анализ // Историк и его эпоха: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной памяти профессора В.А.Данилова (24-25 апреля 2007, Тюмень). – Тюмень: Типография «Печатник», 2007. – С.79-81. (0,25 п.л.)

6. Supredoха: критика дескриптивизма и эссенциализма // Анализ гуманитарных проблем современного российского общества: Материалы Всероссийской научной интернет-конференции с международным участием. – Омск: Институт менеджмента и экономики ОмГУПС, 2007. – С.119-127. (0,5 п.л.)

7. Принципы анализа логических структур художественного дискурса // Художественная культура: теория, история, критика, методика преподавания, творческая практика: Материалы V Всероссийской конференции (Красноярск, 29 апреля 2007). – Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2007. – С.103-106. (0,3 п.л.)

8. Проблема эстетизации лингвофилософских исследований // Актуальные проблемы вузовской науки: теоретические и практические аспекты: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (Тамбов, 1 декабря 2008). – Тамбов: Издательский дом ТГУ, 2008. – С.17-20. (0,2 п.л.)

9. Метаморфозы лингвофилософии: опыт анализа аргіогі языка // Актуальные вопросы социально-гуманитарных наук: Межвузовский научный сборник. – Вып.7; РосНОУ (ВФ), ВИБТ АНОО ВПО. – Воронеж: Научная книга, 2009. – С.136-141. (0,3 п.л.)

10. Критика линейно-лингвистической модели исторического нарратива // История идей и история общества: Материалы VII Всероссийской научной конференции (Нижневартовск, 9-10 апреля 2009 года). – Нижневартовск: Изд-во НГГУ, 2009. – С.371-373. (0,15 п.л.)